

A dirt road winds through a vast green field under a dramatic, cloudy sky. The sky is filled with large, white, billowing clouds against a deep blue background. The field is lush and green, with a line of purple flowers visible in the distance. The road is a light brown color, curving from the bottom right towards the center of the frame.

ДОРОГА ДОМОЙ

Андрей Бинев

Ясное небо, не предвещавшее ничего дурного, распластало над головой свой темно-синий бархат.

Андрей Бинев
Дорога домой

«Автор»

Бинев А.

Дорога домой / А. Бинев — «Автор»,

ISBN 978-5-373-03612-2

«Вспоминается мне история про то, как какой-то старый дурень закинул в сине море невод и поймал не то рыбу, не то что-то земноводное, а может быть, даже млекопитающее, вроде дельфина, что ли. А может быть, он и не невод вовсе закидывал, а бросил шашку с динамитом, и эта тварь всплыла кверху пузом. Свидетелей по этому делу не осталось, в рыбоохране таких случаев помнят массу, так что за точность не ручаюсь...»

ISBN 978-5-373-03612-2

© Бинев А.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	46
Глава 11	51
Глава 12	54
Глава 13	59
Глава 14	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Бинев

Дорога домой

*Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился –
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А перед нею разбитое корыто.*

А.С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»

Пролог

«Вспоминается мне история про то, как какой-то старый дурень закинул в сине море невод и поймал не то рыбу, не то что-то земноводное, а может быть, даже млекопитающее, вроде дельфина, что ли. А может быть, он и не невод вовсе закидывал, а бросил шашку с динамитом, и эта тварь всплыла кверху пузом. Свидетелей по этому делу не осталось, в рыбоохране таких случаев помнят массу, так что за точность не ручаюсь.

Одним словом, этот старый браконьер чуть голову не потерял, когда понял, что тварь говорит с ним на одном языке, да еще сулит ему золотые горы. Думаю, он или пьяный был, или даже наркоман. Потому что ни один нормальный человек никогда не сознается в том, что слышал, как звери разговаривают, тем более – рыбы!

Ну, и вот попросил он у нее для своей бабы или, может, сожительницы сначала двухкомнатную хатенку, потом трехкомнатную, потом дачку или, как сейчас говорят, коттедж, а потом понадобились ему акции там разные на нефть, газ, уголь, цветные и черные металлы, алмазы разные драгоценные, изумруды, сапфиры, бриллианты, меха, лес строевой, яхты, корабли, в том числе, подводные, ракеты, и самолеты, а затем он вообще обнаглел: хочу, говорит, быть мужем президентши, в Кремль желаю и чтобы навсегда! Тварь ему в этом деле, конечно, не отказала. А он опять к ней – хватъ ее за жабры и давай орать: „Чтоб икру свою только мне метала! И чтоб отборная, белужья! Желаю, говорит, монополистом быть! А остальным – шиш с маслом, но без икры!“

Не вынесла рыбина такого, понимаешь, наезда и всё сразу отобрала взад – и Кремль, и коттедж, и все квартиры, акции, облигации и всё такое!

Сидит этот дурень со своей бабой и слезы льет. Тут набежали вертухайи и тащат их в суд, а затем и в зону – vareжки шить, а, может даже, и лес валить. Тут их сразу за кордоном враги, значит, наши признали политическими, потому как они пострадали, вроде бы, не за простое воровство и мошенство, а за свои политические взгляды. Вот как было дело. А ты говоришь – Пушкин! Разве ж во времена Александра Сергеевича от рыбы чего-нибудь зависело? А у нас – пожалуйста!»

Зкончив историю, рассказчик уснул. Уснул и его пьяный слушатель – немногословный прапорщик с упрямым лицом сильно пьющего дебошира.

Мерно гремели колеса под днищем вагона, в окно хлестали ветер и косой, злобный дождик.

На верхней полке ехал в Томск посмотреть на незабываемый им город Артур Егорович Петров и думал, что рассказ этого придурка, который, наверное, и в детстве-то никогда не читал сказку о рыбаке и рыбке, не так уж далек от истины. Потому что он сам когда-то, очень давно, поймал рыбу, в переносном смысле даже можно сказать – золотую, да еще такой величины, что все просто диву давались! Эту рыбу он подарил одному французу – генералу де Голлю, и не мертвой, а живой. За это его и многих товарищей, которые тоже ее за хвост подержали, судьба вознаградила большими повышениями, квартирами, коттеджами, акциями разными, а кое-кого даже в Кремль вернула... ну тех, которых до этого оттуда выгнали сначала. Он лично, Егорыч, в заграницу поехал, жил там припеваючи долго и счастливо, даже орден получил за свое геройство в одном очень секретном деле, а потом вернулся домой, и все его забыли. Вот так!

Егорыч посмотрел вниз, и зашептал свистяще:

– Э! Сосед!

Рассказчик приоткрыл осоловевший глаз и тупо уставил его на свесившегося с верхней полки Егорыча.

– Чего?

– Это я тот дурень... ну, с рыбой-то!

– Тебе налить, что ли, братан? Чего ж отказывался-то?

– Да нет! Сердце, понимаешь! В старые времена я бы выпил, а теперь... того, – Егорыч печально чмокнул губами. – А рыбу я действительно поймал!

– Ну! Она что, человеческим языком с тобой говорила? – начал сердиться сосед.

– Не! Как же она будет говорить? Она же рыба!

– Не понял! Так ты поймал ее или нет?

– Поймал! Только она не разговаривала. Она меня молча одарила. И еще многих! А потом сдохла от тоски на чужбине.

– Спи, мужик! Вроде не пьяный... – сосед недовольно отвернулся к стене и сразу раскатило захрапел. В сжатом пространстве купе щедро запахло водочным перегаром и луком.

Егорыч отвалился на спину и, глядя во тьме на раскачивающийся потолок, долго вспоминал всю свою «рыбную» историю и сетуя, что она слишком рано кончилась.

Это он напрасно! Потому что такие истории никогда не заканчиваются. Они только переплывают в другие водоемы и бьют там острыми рыбьими хвостами, разгоняя волны и воображение.

Глава 1

Одна тысяча девятьсот девяносто первый год начался как-то очень тревожно и многообещающе. Но ощущалась это лишь в СССР, в восточной и, частично, южной Европе, а также в дипломатических и торговых представительствах стран из этих уголков планеты. Остальной мир относился к наступившему году просто наплевательски!

Александр Васильевич Власин и его супруга, неожиданно постаревшая за недолгие четыре года (с тех пор, как мы с ней расстались), все так же жили в своей служебной квартирке в самом центре Парижа, с тоской поглядывая на восток, откуда вот-вот должен был прийти секретный приказ о ротации, то есть о смене оперативного состава посольской резидентуры.

И дело было вовсе не в том, что им совсем не хотелось домой, а прежде всего в том, что Александру Васильевичу дома сразу предложили бы пенсионную должность, а затем и вовсе отправили доживать свой век на нищенскую советскую пенсию. Скопить за эти годы супружеская пара ничего так и не сумела, потому что жила на одну зарплату Александра Васильевича и тратила ее почти полностью.

Абсолютных цифр не бывает: все относительно в этом мире. То, что кажется на родине большим или просто даже достаточным, на чужбине – жалкие крохи в сравнении с тем, что получают местные, самые что ни на есть средние людишки. Да и цены на чужбине соответствуют доходам этих «средних» людишек, а не мизерным заработкам советских заграничников. Дома, в Москве, в специальном интернате для детей ответственных командировочных мужали сыновья, во имя будущего которых Александр Васильевич и держался изо всех сил за свое место. Однако же судьба медленно, со скрипом поворачивающаяся тылом в очередной раз ко всей его огромной державе, ничего обнадеживающего не предлагала и ему самому, и всей его семье.

Отец Василий, стареющий настоятель небольшого православного храма в Париже, куда Анна Гавриловна зачастила сразу после той истории с Гулякиным и с мадемуазель Рабле, сокрушенно качал головой:

– Эх, дочь моя! – вздыхал он, складывая на своем круглом животике, прикрытом рясой, полные розовые руки. – Жаль терять такую прихожанку! И к службе ты всегда придешь, отстоишь от начала до конца, и покаешься, исповедуешься, и пожертвуешь пару франков на труды наши, а то и пироги к празднику испечешь с вязижкой. Где только берешь-то ты ее, вязигу-то! И даже супруга своего приучила к нам заходить. Нет-нет, да заглянет, раб божий Александр. Вот только наложить на себя крест святой все стесняется. Не уверовал, однако же пути Господни неисповедимы! Придет муж твой в истинный Храм, придет своими ножками! И поклонится!

– Да где уж там, батюшка, – отвечала со слезой Анна Гавриловна. – Как вернемся на родину, закрутит нас Нечистый, прости Господи, так, что света белого не взвидим! Голодно, говорят, нынче в отчизне нашей! Продукты по карточкам, бензина, опять же, нет, люди за ним в очереди стоят ночами. Все за взятки, да за взятки! Уголовники одни да партийные! Понаехали, выползли из своих «тьму-тараканей»! Провинциальные оккупанты! С Урала, из Сибири, с Тамбовщины да еще бог знает из каких дыр! Еще и демократы какие-то объявились. Еврей на евреев евреем погоняет! Где уж тут в Храм! Когда это Москва по карточкам жила?! В войну, разве, да немного после. А нынче...

– Ну уж и по карточкам! – краснея, возмущался отец Василий. – Есть, конечно, недостатки, отрицать не станем, но не так плохо, как кажется отсюда, из Парижа-то! Что ж касаемо демократов наших доморожденных, то погоняют они, скорее, не евреями, хоть и верно – евреев среди них много! Опять же Христа они распяли! Эх-хе-хе!

Отец Василий крестился и тяжело вздыхал.

И все же помог именно он – настоятель Божьего Храма отец Василий, хотя и не только он один. Так уж получилось, что совместились усилия двух совершенно не связанных друг с другом на первый взгляд людей, и дело удачно выгорело. Так уж случается, что конкретные персоны могут быть и не знакомы друг с другом, но между ними тем не менее устанавливается некая незримая связь – будь то общие идейные интересы, будь то совершенно запутанные, покрытые мрачными тайными завесами политические и разведывательные задачи. Иной раз хорошо оказаться в эпицентре действия таких сил – когда разнополюсные импульсы рожают жизнетворный заряд...

Отец Василий, принимая у себя гостя из Московской патриархии, упомянул как-то имя мужа своей прихожанки. Так, мол, и так, говорит, теряем людей. А тут ведь в окружении католиков и реформаторов каждый верный прихожанин на вес золота! Кого еще пришлют! Ты бы, отец родной, замолвил где слово за раба божьего Александра, Власина то есть, за воина, понимаешь.

И замолвилось слово, потому что как раз в это время церковь начинала сближаться со светской властью, и у обеих сторон забрезжили общие интересы, не всегда, правда, одни лишь духовные. Оказалось, что гость отца Василия отвечал в Патриархии за какое-то важное коммерческое направление – то ли контролировал пользование некоторыми светскими жуками таможенных и налоговых льгот Церкви, то ли вел расчетные таблицы о разделе прибылей по поставке сигарет, спиртного, кетчупа и электронной бытовой техники по тем же льготным церковным каналам, то ли отвечал еще за что-то такое же очень важное и востребованное, но, так или иначе, кто-то из высших чинов в ведомстве Александра Васильевича прислушивался к его совету.

А с другой стороны, к делу подключился близкий родственник Анны Гавриловны – известный актер Владимир Постников. На каком-то специальном просмотре одного из фильмов, где он играл маршала Конева, присутствовал тот самый высший чин, и подвыпивший Постников на банкете по случаю приемки шедевра шепнул ему свою просьбочку о племяннице и ее муже. И механизм сработал: полковника Власина вычеркнули из списка «ротируемых» и после согласия со стороны генерал-лейтенанта Сергеева, который тоже пока еще удерживался на своих парижских позициях, Александра Васильевича сохранили на должности.

– Господи! – неистово крестилась Анна Гавриловна и стучала лбом о каменные плиты Храма – Велика забота твоя!

Господа ли, не Господа была сия забота, но семья Власиных осталась в Париже еще на год. Во всяком случае, именно этот срок был прописан в приказе по ведомству, весьма, кстати, далекому от Божьего промысла. Хотя иметь отношение к этому самому «промыслу» хочет каждое важное ведомство. За сомнения в этом многих даже наказывают, потому что в какой-то момент человеческой истории «Божий промысел» принудительно занимает стратегические позиции, и любые меры, предпринимаемые носителями его, освящены заранее, а значит, не обсуждаются общественностью. Подобно помазанничеству божьему императоров, будь то захватчики или освободители!

Отношения Власина с генералом Сергеевым несколько усложнились после истории с их зарвавшимися агентами, но Сергеев продолжал думать так:

«Власина я знаю... Что от него ожидать, для меня не секрет. А пришлют другого! Вот этого, например, Гулякина, черт бы его побрал! Еле отправили его в Марсель! Подальше отсюда... насколько это было возможно! Нет уж! Пусть уж лучше Саша!»

Так и остались в ведомственном филиале в Париже генерал-лейтенант Андрей Сергеевич Сергеев и его заместитель полковник Александр Васильевич Власин.

Однако же к тому времени всё изменилось в службе офицеров оперативного звена, прикомандированного к посольству. Наступала Великая Депрессия Шпионажа. Разве что военные коллеги продолжали что-то еще рыть на и без того взрыхленной почве северо-атлантического

блока, но и у них реальной работы становилось все меньше, а невразумительных приказов из Центра все больше.

Что касается политико-разведывательных служб, то здесь вообще всё запуталось и покрылось паутиной неверия и разложения. Среди оперативников поползли слухи о том, что предстоит сокращение аппарата, и многие, обросшие местными связями и подначиваемые женами, задумали уволиться раньше срока и остаться за рубежами родной погибающей империи. Дома их ждала лишь изнуряющая неквалифицированная работа в бригадах грузчиков, мебельщиков, таксистов-частников и в растущих как грибы охранных фирмах.

Шептались о том, что руководство страны давно уже состоит на услужении у «вероятного противника», что все они масоны и предатели, и что глиняные ноги гигантского советского колосса раскочаили именно они. Ноги эти теперь, мол, осталось лишь обломать! Предателей называли поименно, с кривыми усмешками и с презрением.

«Делай, как я!» – появился плакат с изображением Михаила Горбачева, жарко обнимающегося сразу со всеми лидерами северо-атлантического блока. Плакат кто-то растиражировал, и он был быстро разобран ухмыляющимися обитателями «субмарины» посольства.

То же самое происходило в секретных подразделениях генеральных консульств. В Марселе на консульской должности служил в эти годы подполковник Алексей Аркадьевич Гулякин.

Однажды его на полтора месяца отправили в соседнее с Францией малюсенькое, но очень, очень богатое герцогство для «передачи оперативного опыта», как было сказано в приказе. На самом деле генеральный консул бомбил МИД отчаянными телефонограммами и депешами, требуя продолжительного отдыха для всего дипломатического, оперативного и технического состава консульства от «реактивного болвана», как прозвали здесь Гулякина, и, наконец, добился своего. В МИДе один из заместителей министра созвонился с генерал-полковником Беровым, и тот, скрепя сердце, распорядился заслать племянника в ту карликовую державу. Командировка совпала с назначением туда нового посла.

В МИДе хорошо понимали, что назначение посла было вызвано необходимостью спрятать его в тайный и комфортный европейский «ящик», чтобы потом извлечь оттуда, отряхнуть и подать к другому столу, который готовился исподтишка все эти последние годы. Новый посол дипломатом никогда не был, но это не считалось недостатком, а многими политиками в Центре даже воспринималось в качестве положительного явления. Дипломатов в ЦК не любили, считая их слишком образованными, чтобы быть людьми доверенными, и слишком дисциплинированными, чтобы можно было на них возложить ответственность за чужие ошибки.

Звали нового посла Никитой Матвеевичем Зеломудровым. Всю свою жизнь, до сорока лет, он был занят исключительно пропагандистской деятельностью «от имени и по поручению» ЦК КПСС – на радио и на телевидении. Это идеологическое пространство ему было известно так, как очень немногим. Главное, что он знал – где заканчивается вольница и начинается острог. Тут ему равных не было. И нет до сих пор!

Зеломудров был холодным, испорченным от рождения человеком, выходцем из номенклатурной, считавшейся интеллектуальной и творческой, семьи. Для него не существовало нравственных авторитетов. Главным для Зеломудрова всегда был хозяин, восседавший, морщась от неудобства, на острой верхушке тяжелой государственной пирамиды. Целью жизни Зеломудрова было сокращение расстояния между ним самим и напряженным хозяйским задом. Те, кто был ниже, не заслуживали даже презрения, те, кто разделял взгляды его, в лучшем случае, были соперниками, в худшем, лютыми врагами, «живыми трупами», по меткому выражению самого Зеломудрова. Он ведь тоже был интеллектуалом, как и его батюшка, его брат, его дядьки и даже одна их ученая тетка.

Он не имел друзей, не почитал дальней родни, не знал праздников и не отделял их от будней. Он был рожден для надутой и властной жизни, идея которой окаменела в абсолютном

сочетании ее формы с ее же содержанием. В этом смысле он являлся гармоничной личностью, хотя такое слово, как личность, не понимал и понять не пытался.

Стайки юношей и девушек, от которых исходил мускусный запах оформляющихся тел из-за постоянной выработки секрета в их крепнущих железах, составляли его постоянное окружение. Им было невдомек, что места старослужащих чиновников, которые самым решительным и бестактным образом освобождались по его распоряжению для их молодых задниц, принадлежат им временно, потому что по истечении этого самого времени и после напрасных ожиданий блестящей карьеры их точно так же выкинут вон без объяснений причин и даже не глядя в глаза. Возможно, что это успеет сделать даже он – Зеломудров. Но сейчас они воспринимали все это как проявление высшей справедливости, которая будет их всегда касаться лишь своим светлым, лебяжьим крылом, а не жестокими когтистыми лапами бездушного хищника.

Многие полагали, что он, Зеломудров – гений, вынужденный скрывать свои демократические убеждения за авторитарной броней. Но у него не было убеждений – ни авторитарных, ни демократических. Не было прошлого, не было и будущего, как субъективных, на его взгляд, субстанций. Было лишь настоящее, в котором он существовал во всей своей холодной красе и гипертрофированном самолюбии.

Он не боялся никого, кроме Главного Хозяина, да еще необыкновенно строгого и жесткого по характеру старого отца. Собственно, Никита Матвеевич был совершеннейшей копией этого человека – Матвея Александровича, с той лишь разницей, что тот когда-то служил не только своему Главному Хозяину, но еще и модной в те годы классовой идее, и писал об этом длиннющие и скучнейшие сценарии, за что получал государственные именные премии и высочайшие державные награды. Отец мог прилюдно отругать сына за что-то, и тогда те подчиненные, которые на свою беду оказывались рядом, не узнавали в Никите Матвеевиче своего надутого, всевластного и все сильного шефа. Он бледнел, краснел, сдувался, превращаясь на глазах в нашкодившего мальчишку. Однако же свидетели его фиаско очень быстро вылетали со службы, и никто не верил, что увольняли их только лишь за это. Считалось, что они клеветают на Никиту Матвеевича Зеломудрого по причине своей бездарности.

Кстати, большой ошибки в этом не было, потому что он любил и берег бездарностей. Все, что подчинялось ему, было точной копией огромного, абсурдного государства, даровавшего ему власть, уважение и богатство.

Идеология этого самого государства и находилась почти полностью в его ведении. Главным советчиком, а в некоторых случаях и распорядителем был его престарелый отец с нависшими над орлиными глазами жесткими седыми бровями.

Никита Матвеевич сам был мужчиной видным, дородным, с широкой грудью, плавно переходившей в заметное брюшко, с немного растерянным лицом, казавшимся таким от легкого тика в виде блуждающей улыбки на полных губах.

Назначение послом расценивал Зеломудрый как временное, удобное убежище. Он знал, что в очень скором будущем следует ожидать событий, способных развернуть всю советскую неуклюжую телегу, похожую на древний, ржавый бронепоезд, в обратном направлении. И тогда понадобятся опытные и проверенные руководящие кадры. Они должны быть сохранены во что бы то ни стало!

Старым другом его отца был генерал-полковник Бероев, поэтому о том, кто такой Алексей Гулякин и чем он славен, было Никите Матвеевичу хорошо известно. Зеломудров был убежден, что Гулякин еще не сыграл своей истинной роли, и не спешил с выводами относительно его карьеры.

Так складывались дела в западноевропейском пространстве, в котором тихо барахтались «наши люди».

Глава 2

В то же время в Москве важные персоны, тосковавшие по уходящему «коммунистическому раю», не оставляли надежд на то, что он еще может быть реанимирован. Они совершенно искренно полагали, что великий народ, наследник крепостнических традиций и «братоубийственного самопожертвования», горько сожалеет о том времени, когда всё это сыпалось ему на голову, как снег зимой.

Народ, собственно, сам точно не знал, что ему нужно, потому что те, кто помнили иное время, либо уехали далеко и навсегда, либо их увезли вперед ногами в черную вечность. Те же, кто пережил периоды ледяных заморозков и весенней грязной распутицы, считали, что во всем мире всё именно так и складывается, с той лишь разницей, что где-то научились шить джинсы и собирать легковые автомобили, а у нас до этого руки не дошли. Надо бы, мол, только узнать, в чем суть этой технологии и повторить ее с абсолютной точностью.

Поэтому в первые же годы «перестройки» все кинулись приобретать джинсы и подержанные автомобили так, как будто у каждого в наличии имелось по три-четыре задницы. Те, кто попредприимчивей, покупали зарубежные ржавые развалюхи и более или менее достойные джинсовые подделки, а остальные разбирали парк отечественных авточудовищ и грубо сшитые турецкие джинсовые тряпки. Между джинсами и автомобилями протянулся длинный ряд двухкассетных магнитофонов, пейджеров, телеприемников и ресторанных загулов с воровскими и цыганскими песнопениями. Всё это сопровождалось пьяной радостью близкой победы над коммунистической деспотией и ожиданием окончательного триумфального вступления в цивилизованный мир.

Обсуждением путей покорения мирового пространства с наименьшими для себя потерями и занимались в том важном ведомстве, в котором верой и правдой служил всю свою жизнь полковник Александр Васильевич Власин. Правда, давно уже не бывая на родине, он не знал, как раскладывались силы наверху.

А там, в добрых традициях российской истории, происходило обычное деление на два перспективных рукава: на «русофилов» и «западников». Та часть руководства, которая больше насильствовала своих соотечественников без оглядки на чужестранцев, называла себя «русофилами» и коммунистами одновременно. Это в тот период, как и несколько позже, через определенную политическую «паузу» становилось почти синонимом. Абсурд заключался в том, что в основе коммунистической теории лежал как раз интернационализм, а национальные тенденции были вторичны. Именно по этому вопросу в свое время разошлись немецкие национал-социалисты с русскими большевиками. Для первых национальные идеи являли собой примат государственной политики, а интернациональные – содержали в себе исключительно прагматичный, даже потребительский характер, что с немецкой точностью отразилось в строительстве концентрационных лагерей как в самой Германии, так и в Европе. В основном, для иностранцев, хотя первые опыты поставили на своих, на социал-демократах.

Что же касается русских коммунистов-интернационалистов, то их взгляды на политику нашли убедительное отражение в строительстве тех же лагерей, но уже на своей территории. Основным контингентом были соотечественники, хотя не брезговали и братьями-коммунистами.

Исполнителями тех и других тенденций были специальные службы и полицейские, они же, милицейские, силы в обоих зеркально похожих друг на друга лагерях. Зеркально – потому что, если встать перед зеркалом, то не всегда сразу определишь, где левое, а где правое, и всякий текст прочтешь наоборот. Но изображение-то то же самое!

Так вот, «русофилы» конца восьмидесятых и начала девяностых самым причудливым образом соединили в себе оба изображения. Что было оригиналом, угадать стало почти невозможно. Для многих это казалось абсурдом, но на самом деле это и была реальность.

Те же, кто черпали информацию, средства и силы за рубежами родины, были убеждены в своей абсолютной цивилизованности и на внутренние национальные ресурсы не рассчитывали. Они с некоторых пор перестали идентифицировать себя с коммунистической теорией и, окончательно запутавшись в зеркальных отражениях, решили начать все с начала. Они и были «западниками».

Забегая вперед, скажу, что те и другие постепенно сползли навстречу друг другу, с радостью замечая общие для себя черты. Они по-прежнему смотрелись в зеркало, но не могли сойтись лишь в одном: кто из них оригинал, а кто отражение. И то, и другое выглядело очень убедительно. Народ растерялся, испуганно вертя головой то в одну, то в другую сторону. Привычным спасением для него была бесконечная пьянка, которая всё замешивала в один тошнотворный винегрет. Этим и закусывали «палёнку» и суррогат.

Тем не менее, предстоял большой и кровопролитный бой, выжившие в котором непременно должны были слиться в единой массе и использовать в дальнейшем флаг первых и интендантские возможности вторых. Но в эти дни никто в обоих лагерях этого до конца не понимал и надеялся на собственную победу без каких-либо условий.

В кабинете заметно сдавшего за последние годы генерала армии Всеволода Михайловича Крюкова, седенького человечка с подслеповатыми глазками за окулярами очков в тонкой золотой оправе, собрались все те же его заместители: генерал-полковник Артем Лаврентьевич Бероев, полнеющий лысоватый мужчина неопределенного возраста, и генерал-полковник (он получил повышение в звании после успешного завершения операции «Пальма-Два») Карен Левонович Багдасаров, дородный, крепкий, чернявый кавказец с темно-карими жгучими глазами и мясистым носом.

Крюков относил себя к коммунистам-русофилам, Бероев считал себя умеренным русофилом и столь же умеренным западником, а Багдасаров полагал, что «западный» путь единственно приемлемый в создавшихся политических условиях. Открыто об этом ни один из них не говорил, но каждый поступал в соответствии со своими убеждениями. А именно: Крюков требовал «держат и не пуцать», Багдасаров – «отпустить на короткую цепь», а Бероев – «наблюдать, фиксировать, отпустить и ликвидировать».

Сближало их всех лишь одно – для них главное в жизни было «глаз не спускать и взять своё во что бы то ни стало и где бы то ни было!» Если бы не это, никогда бы им не собраться больше ни в эти, ни в последующие дни и даже годы!

Крюков побарабанил пальцами марш «Мы красные кавалеристы...» по бордовой папке с тесненными золотом словами – «совершенно секретно» и с гербом СССР и обвел коллег серыми, бесцветными глазами, увеличенными стеклами очков до размеров небольших кофейных блюдец.

– Вот здесь, – хлопнул он ладонью по папке, – подробный доклад о положении вещей в стране Михаилу Сергеевичу, лично, понимаешь. Ваши главки тоже поработали на эту бумагу. Но и другие постарались на славу. Вывод нашими аналитиками сделан следующий: «Враг подобрался к воротам родины и готовится к последнему удару». Ситуация ничуть не легче, чем в ноябре сорок первого... Но там враг был виден в бинокль, а его шпионов и диверсантов мы отлавливали пачками и пачками же расстреливали. К тому же был мороз, а немец, как известно, мороза боится, как, собственно, и француз. Вот мы их, то есть и тех и других, в свое время морозцем, пулей да матерком! А что, товарищи, у нас есть теперь?

– Матерок, – заулыбался Багдасаров, но встретившись с холодными глазами Крюкова, виновато развел руками.

– Матерок у нас всегда есть, Карен Леонович, – процедил сквозь зубы Крюков. – И это особое оружие точечного поражения мы применим, когда следует. Не беспокойтесь! Но у нас теперь нет морозов – всеобщее потепление, так сказать, в прямом и переносном смысле. Да и пули тут не помогут. Так что мы имеем?

– Мы имеем волю! – напрягся Бероев и нервно втянул живот. Он сидел в глубоком кожаном кресле за приставным столиком. – Государственную волю: «не допустить!»

– «Не пущать», значит? – криво усмехнулся Крюков. – Тут мы мастера! Только времена, друг мой, изменились, и теперь не очень понятно становится, кого и куда «не пущать»? По заключению специалистов из Госплана продуктов питания в стране осталось, в общем и целом, на полгода и то, если покрепче затянуть пояса. Не хватает уже на заказы по предприятиям и в магазинах, как говорится, что-то ... не очень прилично будет выразиться, эдакое ночевало!

– М-да! – пробурчали оба генерала и переглянулись.

– И это не всё! Горючее! Бензин, так сказать, и остальное... того. Мало, в общем этого... Дефицит, как говорится. Враг ударил и тут! Обрушил мировые цены, и мы, как бы это выразиться поточнее, умылись, так сказать. Нефтедоллары тоже теперь дефицит, и долги покрыть мы никак не можем. Кредитов там разных набрали. Ну, вы понимаете! Враг требует немедленных выплат, и всё тут! Продавать все это в стране за рубли, их теперь, знаете как в народе называют? «деревянными» называют, так за них продавать нефтепродукты на внутреннем рынке все равно, что бриллианты менять на прокисшие бананы. Это, так сказать, общая обстановка. Водка – опять же дефицит, вина нет, курице заканчивается! Этого враг и добивался! Вот!

Он словно с облегчением отвалился в кресле, как будто враг выполнил все его желания.

– И внутренний враг, предатель, тоже поднял голову, – победоносно закончил Крюков, – теперь вообще всю страну хочет спустить в трубу.

– В канализацию, вы имеете в виду? – не то участливо, не то с долей злорадства подсказал Бероев.

– Во-во, Артем Лаврентьевич, в канализацию! Я понимаю, дорогой мой, что ваши люди стоят и сверху и снизу этой трубы – если не спустят, они при капитале останутся, а коли уж спустят, так опять же не с пустыми руками. И вы на меня глазками-то своими не блестяте! Я вас и кое-кого из вашей родни, как прошлой, так и настоящей, знаю неплохо! Повадки известные! Но время сейчас такое, чтобы ругаться и делиться на «своих и чужих». Потом разберемся, когда враг будет разбит в самом своем логове, так сказать!

– Это где же? – не унимался Бероев. – Уж не в Белом ли доме, вы имеете в виду, Всеволод Михайлович? Так туда далеко ватно будет! Не дойдем!

– А мне, дорогой, Артем Лаврентьевич, как говорится, «до фени», где у них логово! – взорвался Крюков. – Для меня главное, чтобы от родных стен подальше их отогнать и так дать, чтобы не повадно было!

– Я что-то не пойму, Всеволод Михайлович, – завозился в своем кресле Багдасаров. – Мы-то что можем? Задача не ясна! Где враг, где мы – тут черт ногу сломит!

– Враг проявится, когда мы его главного союзника за штаны стащим! – резко ответил Крюков и теперь уже совершенно осознанно ударил ладонью по той же папке.

– Вы имеете в виду... – Багдасаров нервно привстал и несмело указал пальцем на папку.

– Именно! – заключил Крюков и поднялся. – Это его последний шанс понять, что выбор сделан: или он с нами, или против нас. Тогда кто с ним? Враг? Конечно, враг! Вот тут мы и нанесем удар! Смертельный!

– Это приказ? – мрачно спросил Бероев.

– Это предложение... и настоятельная, слышите, очень настоятельная просьба! – прошипел Крюков и обошел стол со стороны сидящего в кресле Бероева. – Нужны ваши внутренние

ресурсы. Вы понимаете, Артем Лаврентьевич?! Полная готовность к действию и вера. Вера в победу!

Крюков приблизился к Багдасарову:

– А что касается вас, Карен Левонович, то необходимо поставить в известность весь внешний оперативный состав о предстоящих событиях, не раскрывая сути, и включить все их агентурные возможности для, так сказать, пропаганды наших действий. Понадобятся усилия ваших «агентов влияния» во всех зарубежных правительствах, чтобы не вызвать там паники, когда мы начнем действовать.

– «Мы» – это кто? – спросил Багдасаров, и Бероев кивком головы неожиданно даже для себя поддержал его вопрос.

– Первый эшелон власти! Те, кто остается верным великим идеям марксизма-ленинизма, родине и советскому народу. Многострадальному, обманутому, ограбленному...

– Кем? – недобро усмехнулся Багдасаров.

– На что вы намекаете? – вскинул голову Крюков и посмотрел в глаза генерал-полковнику.

– Это не я намекаю, Всеволод Михайлович, а вы сами, извините, – ничуть не струсил Багдасаров.

– Я не намекаю! – горячился Крюков. – А называю все своим именами. Провокаторы, расхитители, враги воспользовались временными трудностями и грабят народ! Кооперативы там разные затеяли, землю хотят отобрать у государства, у народа, можно сказать... предприятия... того... разбазарить и сбежать со всем этим на Запад.

– С землей, что ли? Со станками, кранами? – рассмеялся Багдасаров. – Врагу без этого, без наших ржавых гаек, ну никак не прожить! Спит и видит, когда все это через границу потащат!

– Вы напрасно иронизируете, товарищ Багдасаров! – Крюков буквально добежал до своего кресла и нервно плюхнулся в него. – Не по коммунистически как-то! Мы к вам, как к товарищу, а вы... ржавые гайки, понимаешь... в колеса.

Он, пытаясь найти поддержку у Бероева, искательно заглянул к нему в глаза. Но тот отвел взгляд и даже чуть-чуть запрокинул голову, мол, я тут ни при чем, и этот разговор меня не касается.

– Я должен подумать, Всеволод Михайлович! – поднялся Багдасаров. – Доложу вам о наших разведвозможностях в ближайшее время. Но не обольщайтесь! Личный состав, на сколько мне докладывают, ропщет, не доверяет, так сказать, Центру. Зарплаты небольшие, к тому же, тут у нас черт знает что творится. До них все это доходит немедленно! Да и попривыкли все уже у себя на местах. Но меры примем! Это я могу пообещать!

Крюков мрачно кивнул и отвернулся, давая понять, что к Багдасарову у него больше вопросов нет. Тот не торопясь пошел к выходу из кабинета и, прежде чем покинуть его, обернулся и пристально посмотрел на Крюкова и Бероева. Они молчали – один подавленно, второй – в ожидании ухода Багдасарова.

– Вот! – грохнул кулаком по столу Крюков, когда за Багдасаровым закрылась высокая, тяжелая дверь. – Попробуй-ка, поработай с такими вот! Кому доверять? Кому доверять?

– Мне! – ответил Бероев, глядя прямо перед собой.

– Вам? Почему вам? – неожиданно растерялся Крюков и даже покраснел от волнения.

– А кому же, Всеволод Михайлович, дорогой? Мне, и только мне! В моем непосредственном подчинении мощная группа быстрого реагирования «Сигма», полностью укомплектованная опытными офицерами и прапорщиками, вооруженная, обученная, эффективная. Любой приказ выполняется без промедления. Вам это хорошо известно!

– М-да, зарекомендовали себя уже, – не то осуждающе, не то восхищенно ответил Крюков и сцепил перед собой руки.

– Зарекомендовали! Это верно! Хорошо зарекомендовали! Потому что профессионалы, а не эти багдасаровские... философы, – зло усмехнулся Бероев.

– Ну, что ж, – поднял на него глаза Крюков, – придет время, и я поставлю точную задачу, а командир группы разработает операцию. Вам отвечать за всё! Лично!

– Как за всё? – покраснел Бероев, – Что значит, за всё?

– А то и значит, дорогой мой! – потер ладонью о ладонь Крюков. – Группа-то ваша! Сами говорите...

– А идеи ваши!

– Ну-ну! Я ведь так... примерно только... – Крюков неопределенно пошевелил в воздухе пальцами.

Бероев поднялся, одернул пиджак и с обидой кивнул:

– Разрешите идти, Всеволод Михайлович?

– Идите пока, Артем Лаврентьевич, – задумчиво кивнул Крюков и, раскрыв папку, углубился в документ, который вот-вот должен был попасть на стол самому главному человеку в стране и сыграть роль последнего предупреждения.

Глава 3

Генерал Сергеев метался по кабинету, обдумывая только что закончившийся разговор с Багдасаровым.

– Андрюша, дорогой, – говорил Карен Левонович с неожиданно сильным кавказским акцентом, – я встречался со «стариком» на днях. Похоже, у нас тут задумали кое-кому в Кремле закрутить колечком хвост. «Старик» не уточнял, кто именно принимает участие в этом процессе, но не догадаться может только законченный идиот.

– Считаю, с таким и разговариваешь, – усмехнулся Сергеев. – Давай-ка уточняй, Карен Левонович!

– Кроме нашего старика, думаю, министр обороны. Они его непременно должны были прихватить с собой в эту авантюру. Председатель правительства, министр внутренних дел, кое-кто из аппарата ЦК и три или четыре наших с тобой коллег из руководителей Главков.

– Это серьезно? – насторожился Сергеев.

– Кто знает! Но, сам понимаешь, в деле – несколько членов Политбюро, частично наше руководство и военные с милицией и внутренними войсками. А с этим не считаться невозможно!

– Так это ж всё! – вздрогнул Сергеев, не зная, радоваться ему или горевать. – Они кому хочешь хребет переломят!

– Не торопись! – проговорил Багдасаров. – В большинстве все это люди из партийной верхушки, либо выходцы оттуда, а это, понимаешь, сейчас не очень модно. В министерстве обороны есть молодые генералы, из «афганцев», вчерашние полканы да майоры. Фронтовики все. Их всё это не греет! Надоели им большевики «ленинского типа» хуже горькой редьки! От комиссаров этих не продохнуть! Председатель правительства, к тому же, тоже не в авторитете. МВД вообще ведомство трусоватое. На нас смотрят – как скажем, так и будет! Министр у них человек, по большому счету, чужой, партийный ставленник, да еще прибалт – он ни там, ни здесь никому не нужен! Сам понимаешь, вообще расклад не тот! А что касается цековских бюрократов, так они ведь друг друга на дух не переносят! Националисты, шовинисты и дундуки – все до одного! Есть среди них, конечно, и люди более или менее, как сейчас стало принято говорить, адекватные. Так эти в заговоре не участвуют, по понятным мотивам. Головой то есть думают, а не этой... не задней мышцей, в общем. Так что это еще бабушка надвое сказала, кто кому хребет переломит.

– Я тебя не понимаю, – задумался Сергеев и стал чертить на чистом листе бумаги квадратики и кружочки, соединяя их прямыми и пунктирами. – Ты-то что думаешь об этом?

– Я пока воздержусь думать, но полагаю, что «старик» сразу после встречи со мной разговаривал с Бероевым и поставил перед ним задачу о подготовке силовой акции. Ты же знаешь, кто у него в руках.

– «Сигма»?

– Если бы только они! Хотя при некоторых обстоятельствах может хватить и одной их группы, или, в крайнем случае, человек эдак пятидесяти, не больше! Но есть еще погранцы, военная контрразведка, штурмовые полки из милиционеров срочной службы. Они хоть и эмвэдэшные, но выполнять будут команды Бероева. Это я точно знаю! Один только Бутырский полк в Москве чего стоит, да еще дивизия внутренних войск имени Дзержинского. А это – сила! О-го-го! А еще в московском ГУВД, да и в областном главке уже почти два года как созданы отряды милиции особого назначения, ОМОН. Набрали из молодых офицеров-оперативников и строевиков, в равной мере, но в основном, приезжих. Так они за московскую прописку и за скромную квартиру на окраине любому глаз на причинное место натянут и моргать заставят! Их специально создавали для подавления гражданского населения. На всякий случай! А вдруг

пригодится! Чтобы основные силы не отвлекать – армию, нас, внутренние войска. Показательные выступления делали два раза на их базе около Октябрьского поля – называется «разгон экстремистских групп». Командиры – «афганцы», из десантников, из бывших, конечно. Все члены партии, а комиссаров там – как грязи! Журналистов приглашали, пугали! А осенью прошлого года на Ходынке лагерь разбили для десантных частей – вроде как перевалочный пункт «на картошку». Ха-ха! Ты бы видел, Андрюша, с чем эти парни приехали картошку копать! Она, наверное, тоже экстремист, картошка эта! Иначе зачем на нее заготавливать, кроме заточенных десантных лопаток, еще и «Калаша» и штыки? А им еще и дубинки резиновые выдали. Потом командование их войск «оправдывалось» в Кремле перед журналистами – не так, мол, поняли! Я был там, слушал! Они специально собрались, чтобы мышцы свои показать! Челюсти у всех тяжелые, кулаки – как чайники! Думаю, уже тогда хотели начинать свою авантюру, но что-то не склеилось! Наверное, наши были недовольны! Не предупредили, мол, полезли без приглашения, а это ведь военные, боевые части! Шутки, как говорится, в сторону! Вместо голов – котелки, вместо мозгов – устав! Тут многие наши в штаны наделали! Сумели таки десантное командование стреножить через наших людей. Сам знаешь, кто туда народ подбирали в свое время и, главное, как! Третий Главк даром пайки не кушает, брат! Сразу всех вывели в места постоянной дислокации, но опыт все же решили использовать под нашим контролем. Согласия, однако же, в оркестре пока нет! Каждый хочет первой скрипкой, соло выступить. Главные аплодисменты сорвать.

– Что дальше? Делать-то чего?

– Пока ничего, Андрюша. Просто будь готов как юный пионер! От нас требуют поднять «агентуру влияния» и тихонечко эдак начинать готовить иностранцев к мысли, что нынешняя наша власть представляет для них серьезную опасность. Мол, бесконтрольность ядерных сил, развал страны, миграция населения на Запад и так далее. Ужасов нагнать! Чтобы сами захотели переворот и полную, окончательную задницу на одной шестой земного шара. Чтобы границы закрыли на амбарный замок, а ключ спрятали в мавзолее, у главного тела. Вот чего хотят от нас с тобой, Андрюша!

– Ты думаешь, Карен, здесь кто-нибудь во все это поверит?

– Думаю, поверят! А куда они денутся? Я уже разговаривал с нашими ребятами в Лондоне, в Вашингтоне, в Женеве, в Вене и еще кое-где. Вот теперь с тобой...

– А как они-то? Что думают?

– Ничего они не думают. Затылки чешут. Ты вот что – подготовь-ка планчик действий на тот и на другой случай, и пришли мне. Пусть будет. Ты меня понял, Андрюша?

– Сделаем, Карен Леонович. А ты сам-то, чего ты-то делать будешь?

– Повстречаюсь тут кое с кем. С командованием «Сигмы», например. В МВД тут есть человек один важный, вроде неглупый, в Генштабе, в ГРУ, коллеги, как ни крути, в десантных... Там тоже еще не все, слава Богу, заточенными лопатками думают! Рекогносцировку проведу, поверхностную такую... пока. А там видно будет! Только мне и сейчас ясно, что всё это авантюра, Андрюша! Положение, я имею в виду экономическое, конечно, более, чем сложное в стране. Сейфы в Госбанке пустые; что, куда девается, никто не знает, кроме нескольких фигур. Так что, повторяю, авантюрка затевается та еще! А тут еще Бориска этот! Который «Борис, ты не прав!». «Уральским Годуновым» его тут теперь кличут. Так этот зенками вращает как медведь, в грудь себя лупит, как орангутанг, и потеет как конь! Выпить не дурак и вообще, вроде, не дурак! К нему некоторые наши уже подались, а кое-кто из действующих сливает информацию на его мельницу. Непростой тип, я тебе доложу! Ой, не простой! Хитрюга и игрок! Народ будоражит, демократы с ним заигрывают. Аж трясет всех. А он, шут гороховый, такие спектакли разыгрывает! Диву даешься, откуда чего берется. С иностранцами тайком встречается. Американцы дважды были, по моим данным. Одну встречу мы отследили полностью, со звуком, так сказать. Так вот, он – это третья сила; ни с Самим, ни с цэковскими

ничего общего! И ведь прет в гору, гад! И как прет! В армии настроения появились, доложили тут нам. Ты об этом тоже подумай на досуге; глядишь, и ему придется присягать когда-нибудь! Так что пока от тебя два плана, Андрей Сергеевич! А там, может, и третий придется подготавливать. Когда Борис станет прав! Ну, правее моей правой половинки задницы. А она ведь, родимая, чувствует, ох, чувствует: каша заваривается! Вроде той, что в октябре семнадцатого, ленинской каши! Так что будь готов, генерал!

Последние слова он произнес уже решительно и жестко. И сразу же бросил трубку. Он первым набрал номер парижского телефона своей резидентуры, он же первым и прервал разговор.

Теперь генерал Сергеев ходил в раздумье по кабинету. Он очень хорошо знал своего старого друга и шефа – Карена Багдасарова. Если уж тот говорит с ним открытым текстом по телефону, хоть и защищенному от прослушивания, вроде бы, значит, там у всех земля горит под ногами. Багдасаров ищет людей в зарубежных резидентурах в свою поддержку, и, должно быть, сам входит в какую-то политическую группу, в силу которой верит. Не случаен его намек на «Сигму», хоть она официально и бероевская. А может быть, Багдасаров уже с Бероевым снюхался? Не может быть! И что это за группа, к которой он может примкнуть? Уральского Годунова? Иначе зачем он о нем всё это говорил? И про присягу. Во задачка! Не для слабонервных, черт побери!

Что же теперь делать ему, Сергееву? Пойти к послу – дело гиблое! Этот тип имеет собственное руководство, которое вряд ли его ставит в известность о планах в других ведомствах. Значит, начнется паника, могут доложить в ЦК и даже Самому! И до Багдасарова дойдет. Непременно дойдет! А это пока ни к чему! Отсюда, из Парижа, что увидишь?

Подумав еще немного и решив, что «планы действий» все равно будет составлять его заместитель, то есть полковник Власин, генерал набрал его внутренний номер телефона.

– Александр Васильевич, – сказал он, не здороваясь, как только услышал голос Власина. – А давно мы с тобой крольчатинки не ели? А?

– Ты это к чему? – удивился Власин. Они с давних пор перешли с Сергеевым на «ты», и Власин мог себе позволить некоторые вольности в обращении.

– А к тому, что есть разговор на природе. Собирайся-ка, выгоняй своего железного коня и поехали в сторону Орлеана. Я там один ресторанчик приметил – кроликов готовят, что наши соотечественники заговоры! Замоченные на молоке и на крови, тушатся на медленном огне, со специями, с перчиком, с гвоздичкой, понимаешь. Пальчики оближешь! – засмеялся Сергеев.

– Вот как! Кулинары, значит, знатные? Ну, давай, попробуем их заговоры с ушами. Жду внизу, на стоянке.

Выехали из Парижа на удивление легко, без пробок. Если бы Власин знал, что с этого момента его судьба покатится совсем в ином направлении, возможно, он бы сослался на головную боль или на то, что отравился завтраком, или просто бы не поднял трубку, а улизнул из посольства, отключив все свои телефоны. Но это был роковой рубеж в его жизни, или, как это еще называют летчики или моряки, «точкой невозврата», за которой начинается совсем другое измерение, где время летит с необыкновенной скоростью, будто река, неожиданно сваливающаяся с кручи вниз, образуя ревущий водопад с водной пылью и радугой. Обратной дороги уже нет, сколько ни рвись назад! Да и захочешь ли сам?

Но Власин ничего этого не ведал и, глядя на солнечную, почти пустую дорогу, весело гнал машину в Орлеан. На самом же деле он уже выехал из одной жизни и въехал в другую, законов которой не знал еще никто из его соотечественников. А рядом с ним сидел, задумавшись, генерал Сергеев. Догадывался ли он, что с этого момента их дороги с Власиным начали расходиться? Может быть, о чем-то и догадывался, но сказать об этом с уверенностью теперь уже никто не может.

Машина въехала на широкий полупустой паркинг загородного клуба-ресторана. Из тонкой черной трубы над покатой черепичной крышей закручивался легкий сизый дымок.

Глава 4

Анна Гавриловна привыкла к неожиданным отъездам мужа на обеды и ужины без ее присутствия. Она давно смирилась с мыслью, что это тоже часть его секретной службы, обеспечивающей ей приятное существование в Париже, которое сливалось с ощущением легкой тоски и однообразия. После постыдного эпизода с Гулякиным, когда она чуть было не приняла неприятную иллюстрацию за дорогой оригинал, Анна Гавриловна пересмотрела свою жизнь и, вспоминая отца, всегда призывавшего ее просчитывать несколько ходов вперед, в душе досадовала на себя и не прощала себе того скандала ни на секунду. Отец, незадолго до своей смерти, сказал ей задумчиво:

– Не приведи тебе Господи унаследовать от меня расчет и от матери безумие!

Но, к искреннему ее сожалению, именно так и случилось. В ней самым роковым образом сошлись эти гены, выталкивая друг друга в постоянном истерическом конфликте. Безумие матери упрямо вело Анну Гавриловну по скандальным, скользким дорожкам, а профессиональная расчетливость отца помогала с математической точностью определить все силы и векторы их приложения на этом губительном пути.

В тот час, когда ее Саша и генерал Сергеев усаживались за столиком в предвкушении свежей крольчатины, Анна Гавриловна, накинув на голову белый платок, вошла в храм.

Там было пусто, потому что служба уже давно кончилась, а следующая еще не поспела. Отец Василий возился в углу церкви, у распахнутых врат алтаря с огромным свечным канделябром, который постоянно развинчивался и даже дважды распадался вместе с горящими свечами прямо во время службы. Священник, пыхтя, закручивал пассатижами медную проволоку, приспособленную им для соединения двух упрямых металлических частей.

– Батюшка, – услышал он за спиной несмелый голос прихожанки Анны Гавриловны, – Вы бы оставили этот труд! А мой Саша привез бы сюда техника из посольства...

– Благодарствую, дочь моя, – покосившись на Анну Гавриловну и раздувая от старания и напряжения щеки, ответил отец Василий. – Обращусь! Да вот служба через два часа, а тут такое... Непотребность! Ты чего пришла? Дело есть?

– Поблагодарить, батюшка, за участие ваше в муже моем. Благодаря исключительно вам, святой вы человек, его тут оставили еще на год. Слово замолвили за нас, за сирых.

– Дела Божьи! – вздохнул отец Василий и, придерживая канделябр, отступил на полшага, оценивая плод своих стараний.

Он спустился со ступенек, покрытых ковровой дорожкой, и встал рядом с Анной Гавриловной, держа в своих небольших, но на удивление крепких руках пассатижи и моток медной проволоки.

– Ну, как? Можем еще! – довольный собой, беззвучно засмеялся священник и склонил бородатую, кудлатую голову. Он показал глазами на начищенный до блеска канделябр у врат алтаря. – Отец Борис, предшественник мой, оставил. А ему отец Кирилл, а тот уж со святой русской земли еще молодым иереем привез в Париж из Костромы сей канделябр. А уж сколько тот служил в Костроме-то, кто знает! Старинная вещь! А ты говоришь, техник починит! Знаю я ваших техников. Упрут, черги, прости господи!

Отец Василий попытался перекреститься, но помешали зажатые в руке пассатижи, и он удовлетворился лишь легким поклоном в сторону обильно золоченого иконостаса.

– Да что вы, батюшка! – запрочитала Анна Гавриловна. – Там нынче люди все честные, верующие.

– Именно, что «нынче»! – недоверчиво посмотрел на нее сверху вниз отец Василий, – А как так можно, чтобы нынче верующие, а надьсь неверующие, и завтра обратно верующие?

А вдруг увидит канделябр и сразу станет «нынче» же неверующим, и упрет! А потом опять уверует, но канделябр-то не вернет!

Анна Гавриловна испуганно пожала плечами, запутавшись в философских размышлениях отца Василия, но на всякий случай перекрестилась и поклонилась канделябру.

– Пойдем-ка чайку с тобой выпьем на заднем дворе, – распорядился отец Василий. – Там и самоварчик, должно быть, поспел уже. Иди, иди вперед. Я сейчас, переоденусь только, а то ряса на мне рабочая. Негоже так!

На заднем дворе была уютная беседка со столиком и двумя скамьями, увенчанная небольшим куполом на четырех витых столбиках. Над куполом смотрел в небо православный крест из желтого металлического сплава.

Пока отец Василий менял рясу и нательную рубаху, расчесывал кудри и бороду, подстригал маникюрными ножничками перед зеркалом, вытягивая от старания полные губы трубочкой, разросшиеся кустистые брови, Анна Гавриловна накрывала на стол. На белой скатерти с полинялой вышивкой появились чашки с блюдцами, заварной чайник, розетки с вишневым вареньем и московским печеньем, которые привозили в Париж так же, как привозят нашим соотечественникам во всем мире черный хлеб и селедку. Даже если в тех местах есть свой хлеб и своя селедка, и свое печенье.

– Спасибо, хозяйшка! – широко заулыбался священник, неслышно подкравшись к Анне Гавриловны со спины.

Она вздрогнула, резво обернулась и почему-то опять перекрестилась:

– Ой! Батюшка! Испугал! Да и какая же я вам хозяйка? Гостья и только. Попадьи-то у вас нет...

– Да! – протянул отец Василий и сел на лавку, привычно закатав к локтям широкие манжеты. – Терплю неудобства и осуждение. Нам ведь спутницы, так сказать, никак не положено! Только ведь все попадьи уж давно разобраны, матушка!

Он засмеялся и хитро прищурился на Анну Гавриловну. Она ощутила знакомый ей по прошлому приключению душок и смущенно опустила глаза. Опять захотелось перекреститься, но Анна Гавриловна побоялась: вдруг священник поймет, что она приняла близко к сердцу скабрёзность его намеков, и тогда их отношения прервутся на той своей невинной стадии, на которой существовали до сих пор.

– Да ты не смущайся, дочь моя! – поменял отец Василий тон и разлил по чашкам заварку. – Вот тебе заварочка покрепче, кипяточек в самоварчике. А вареньице-то из Киева – прихожанин один аж ведро привез. Дай Бог ему прощения! Печеньице вот московское, а сухарики местные. Кушай себе на здоровье, милая! Кушай.

Пили чай молча, не поднимая друг на друга глаз. Наконец, отец Василий обтер полные губы и удовлетворенно вздохнул:

– У нас тут гости из стольного града бывают последнее время частенько. Слыхала?

– Слыхала, батюшка! – закивала Анна Гавриловна, невольно переходя как обычно, когда находилась около священника, на книжный, патриархальный язык. – За то и благодарить пришла, что помогли мужу моему.

– Так ты уж полгода благодаришь-то! А я ведь о другом.

Священник оглянулся вокруг себя, посмотрел на появившегося в углу сада садовника-француза, крупного, молчаливого старика, и приблизил лицо к Анне Гавриловне:

– Я вот о чем, дочь моя. Ты бы мужа своего порасспросила. Земля слухами полнится – будто в Москве готовят какие-то люди, ну, как бы сказать, скандальчик один. Будто бы власть к смене идет! Сильные мужи хотят слабых заменить. Верно ли это?

Анна Гавриловна захлопала глазами.

– Не слыхала? – прищурился отец Василий и строго, из-под бровей стал буравить Анну Гавриловну пристальным взглядом.

– Не слыхала, батюшка! Ой, не слыхала! – снова запричитала Анна Гавриловна, внутренне ужасаясь своему тону, от которого веяло придуманной кем-то в советском сказочном кинематографе кукольной стариной. – И Саша мой ничегошеньки не говорил. Так мы ведь далёко от родины-то!

– И мы далёко! – не унимался священники, – А все равно слухи до нас доходят.

– Откуда же? Как же?

– Намедни к Патриарху обратился один большой человек и спросил не то чтобы благословения, а, как бы сказать... чтобы церковь поддержала смену светской власти. Мол, антихрист изгнан, и на трон взошел избранный народом-богоборцем человек.

– Боже милостивый! А кто ж тот человек-то? – побледнела Анна Гавриловна, вдруг необыкновенно остро почувствовавшая в этой новости опасность для себя и мужа.

– Это нам неизвестно! Но мы хоть и маленький приход, а всё радуем душой за веру, за православие. Приезжий просил быть готовыми к литургиям во славу новой власти. Текстик вот предложил...

Отец Василий извлек из закатанного рукава бумагу и помахал ею перед носом Анны Гавриловны, потом спрятал обратно.

– Выходит, готовится нечто важное. И мы должны знать, что нас ожидает. У нас ведь тут тоже служба! Мы как солдаты – «дан приказ ему на запад, ей – в другую сторону». Вот бы знать, кому, понимаешь, на запад, а кому – в другую сторону. Да и в какую. Так что ты расстарайся, милая, порасспрашивай Александра Васильевича-то. Не может такого быть, чтобы мы тут отголоски такого важного дела чувствовали, а он при своей должности жил бы в неведении. Упредить бы надо события касательно себя. А ты пей чай-то, вареньищем не побрезгуй. Целое ведро привез один из Киева! Да уж я говорил это! Вон и печенье московское.

Отец Василий протянул Анне Гавриловне печенье, и она, думая о чем-то тревожным, послушно взяла его.

Глава 5

Никита Матвеевич Зеломудров, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в одной небольшой, но очень важной европейской стране, расположенной поблизости от границы с Францией, совсем не так, как другие, размышлял о том, что начало будоражить умы многих его посвященных соотечественников. Он вообще многое делал совсем не так, как другие.

В том, что его семья останется в зените власти при любом стечении обстоятельств, Зеломудров не сомневался ни единой секунды и этому внимания в своих мыслях не уделял. Однако же с какой стороны взойдет солнце, и стало быть, сверкнет лучами славы этот самый зенит, ему не могло быть безразлично. Куда будет отбрасываться тень, – тоже забота не последнего порядка.

Зеломудров вполне соответствовал своей звонкой фамилии, то есть отличался мудростью, причем весьма глубокой, и полагал, что мир разделен для него с точки зрения интеллекта на две категории: общие формы, с которыми уже давно слился весь его род, и частности, или, иными словами, подробности. Вот эти самые подробности и вносили свою коррекцию в действительность. Замечать их, умело расставлять по всему «общему» полю, по мнению Зеломудрова, и было признаком государственной мудрости, которой он, несомненно, в полной мере, обладал.

Вот, пожалуйста, ближайший пример: незадолго до командировки в ту маленькую европейскую державу, из которой готовился его большой прыжок обратно на родину, он зашел с женой, Мальвиной Тихоновной, урожденной Свердловской, в небольшой магазинчик с выставкой серебряных столовых и иного предназначения приборов. Прилавки и две зеркальные витрины отливали роскошным, слепящим блеском начищенного белого серебра. Здесь были и подставки для яиц, и серебряные ложечки (с подобными во рту, по-видимому, рождаются такие как Зеломудров), и резные подстаканники, и подносы, и рюмочки... Да все и не припомнишь, все и не разглядишь даже! Словом, сияние роскоши! Кое-где на прилавках, под толстым стеклом, с особой выразительностью располагались и некоторые изделия из золота.

Мальвина Тихоновна, улыбаясь, указала Зеломудрову пальцем с нанизанным на него изумрудным перстнем на нечто под стеклом.

– Что, дорогая? – с привычным раздражением процедил сквозь зубы Зеломудров.

– Да вот, взгляни! Ты такое видел? – почему-то победным тоном, вскинув голову, спросила жена. Можно было подумать, то, на что она указывала, было сделано, если уж не ею самой, то несомненно по ее идее.

Зеломудров, уловив в голосе жены нечто особенно торжественное, послушно склонил голову над толстым стеклом. Под ним с нарочитой небрежностью лежало несколько поистине удивительных предметов: три или четыре серебряные погремушки (зайчики, мишки и часики на небольших резных ручках) и, что самое поразительное, пустышки на золотом диске, усыпанном мелкими бриллиантами.

– Это, если вас интересует... – раздался мягкий женский голос над головой Зеломудрова, – изделия итальянских и наших мастеров. Наши подешевле, итальянские – дороже.

Зеломудров, не разгибая спины, повернулся на голос. Молодая пышечка с каштанового цвета волосами смотрела из-за прилавка на него ласково, даже немного весело.

– А для чего? – растерянно спросил Зеломудров и похолодел от ощущения своей непричастности к стремительно меняющемуся миру.

– Как для чего! – усмехнулась пышечка. – Для счастья. Вот пустышечка с золотым диском и колечком, бриллиантики... Да вы не сомневайтесь: все истинное, все с пробой. И безопасно для младенца! Бриллианты закреплены надежно.

– М-да... – глубокомысленно произнес Зеломудров и выпрямился. – Это хорошо, что надежно. А то проглотит, понимаешь, младенец, копайся потом в его фекалиях, так сказать. Няньке-то не доверишь! Ведь сопрет бриллиантик-то! А скажет: пропустила! Самому, понимаешь, копать придется! А когда? Дела ведь!

– Правильно! – обрадовалась пышечка. – Вам показать?

– Что? – округлил глаза Зеломудров.

– Да вот, пустышку. Или погремушечки.

Зеломудров переглянулся с Мальвиной Тихоновной и неопределенно пошевелил пальцами в воздухе:

– Да, видите ли, наши детки-то выросли уже. У них теперь другие погремушки и сосочки с пустышечками иные. По форме, то есть. Но тоже не дешевые, надо вам заметить.

– А внуки? Внуков не ждете? – искушая, словно сатана яблоком, блеснула глазами пышечка.

– Внуков ждем, – вмешалась Мальвина Тихоновна, – Надеемся, так сказать...

И закончила решительно:

– Покажите, девушка! И то, и другое! Вот: погремушку с часиками и с мишкой, и пустышку вот эту, побольше размером. Мы обычно крупные все – что с мужней стороны, что с моей...

Мальвина Тихоновна с замиранием сердце потрясла около уха изделием в виде часиков. В погремушке что-то мягко зашуршало. Она игриво покосилась на Зеломудрова, внимательно рассматривавшего в это время мелкие бриллианты на золотом диске пустышки.

– Золотой песочек внутри! Чистейший! – пояснила пышечка головой Мальвине Тихоновне. – Младенец потянет в рот погремушку, а она безопасная. Ни тебе красителей! Ни едкой пластмассы! Очищающее серебро!

Ушли с дорогими покупками.

– А вдруг не будет после, когда внуки появятся? – защищалась Мальвина Тихоновна.

«Нет, думал Никита Матвеевич, будет! Теперь непременно будет! Те, кто с серебряной ложечкой в пасти рождаются, должны в младенчестве золотую с бриллиантами пустышку сосать. Привыкать, так сказать к тому, что и пустышки (особенно пустышки!!!) должны быть золотыми да бриллиантовыми!»

О кричащей вульгарности этих удивительных изделий речи не шло, потому что вульгарность, как известно, замечается лишь теми, кому дарованы Господом возможность и, главное, способность сравнивать. Обреченные же на однообразие форм и содержания свободны от мук выбора, то есть от творческих мук, причиняемых чувством меры, такта и вкуса. Тут либо врожденный талант, либо хотя бы наследственность. И с этим ничего не поделать! Лучший метод борьбы с подобным явлением – сгноить в сибирской или северной тюремной зоне, чтобы не с чем, да и некому было сравнивать!

Зеломудров приобрел еще и черный кожаный пенал с бордовой бархатной подкладкой и уложил туда погремушку с часами и пустышку с бриллиантами. Это теперь было самым ярким, самым убедительным знаком эпохи, которая чуть было не спряталась от него за такой удивительной подробностью.

Так что Никита Матвеевич вполне соответствовал своей родовой фамилии. Поэтому и рассуждал он о будущем родины несколько иначе, чем даже те, кто нанимал и его, а когда-то и его папашу, и всю их многочисленную родню на дорогостоящие державные работы по вытягиванию воздуха из золотых пустышек и шуршанию чистым золотым песочком в серебряных погремушках.

Зеломудров не видел особенной разницы между социалистическими и капиталистическими идеями. Особенно не усматривал он расхождения эпохи капитализма с неокapитализмом. Его страна шагнула из несостоявшегося первобытнообщинного коммунистического

будущего в состоявшееся капиталистическое настоящее – в самую его дикую и примитивную форму. Те страны, которые пережили этот процесс сто лет назад и теперь стремились к созданию новых социальных форм, называя их неокapитализмом, с ужасом поглядывали на родину Зеломудрова, угадывая в ней кошмарные черты своего прошлого. Зеломудров их страхов не разделял. Для него и для тех, кто был рядом, ничего не изменилось: собственность стала называться иначе, как и должности, но люди остались прежними, как и их достаток. Удесатерился лишь финансовый коэффициент удачи!

Именно поэтому Зеломудров и рассматривал свое нынешнее окружение в маленькой европейской стране, многими называемом просто «герцогством», как возможность собраться с силами и вернуться на родину с привычным ощущением победителя и мудреца. Он не стал оценивать Гулякина так, как его обычно оценивали другие: с пренебрежительной усмешкой, презрением, а некоторые даже с отвращением. Зеломудров относился к этому парню иначе: Гулякин был племянником большого и важного человека, а это решало всё!

Кроме того, Зеломудров как-то спросил себя самого: а стал ли бы он поднимать кверху такого как Гулякин, если бы это целиком зависело только от него и даже если бы у Гулякина не было важного дядьки? И ответил себе быстро и прямо: непременно стал бы! Только такие, дерзкие в своих амбициях мелкие грызуны, управляемы пожизненно, даже если они вырвутся, как им это покажется, из-под опеки их надувших, словно через соломинку, людей.

Зеломудров позвал к себе Гулякина и, едва тот переступил порог, воскликнул:

– Чудесный коньячок, Алексей Аркадьевич!

– Да-да! – зарделся от столь неожиданного приятного предложения Гулякин. – Французский. Я, знаете ли, Никита Матвеевич, предпочитаю именно его. Мягкий, шоколадный вкус, и клопами не воняет!

Он сел на краешек дивана, сбоку от Зеломудрова, занимавшего глубокое кресло и державшего в руках, этикеткой к себе, пузатую коньячную бутылку.

– А я вот всем французским коньякам предпочитаю наш, армянский! – Зеломудров потряс бутылкой и развернул ее этикеткой к Гулякину: – «Арагат»! Где растет виноград...

Довольный тем, как он подловил Гулякина, Зеломудров весело рассмеялся. Он порой выкидывал такие коленца с нижестоящими личностями, потому что любил наблюдать, как они выкручиваются. И от того, насколько ловко это у них получалось или, напротив, неуклюже, судил о их способностях вертеться в куда более опасных ловушках. А тут уже присутствовал его интерес, далекий от всяких шуток и розыгрышей.

– Э! – протянул Гулякин, кровь отлила у него от его лица. – Э! «Арагат»! Конечно! Он, так сказать, исключение из правил, лишь подтверждающее само правило! И потом, он не совсем, как бы правильно выразиться, наш. Армянский все же! Да и Арагат всего лишь виден из Армении! Око... это... видит, а зуб... того... неймет!

– Ловко! – усмехнулся Зеломудров, – Молодец! Говорите, исключение, подтверждающее правило? И про око с зубом ввернул! Тут поосторожней бы надо! Спорные, так сказать, территории. Трагическая история, понимаешь! Лучше уж с вопросов коньяка, как со спиртного и только, в разные там Араматы не сползает. То есть не подниматься, я хотел сказать! Ну, а как же дагестанский? К нему вы как относитесь?

– Сдержанно! Но тоже, надо сказать изделие! – уклонился сразу в обе стороны Гулякин. Кому-то могло показаться, что у него просто разъехались ноги, но тот, кто потоньше и повнимательнее, сказал бы, что такая позиция, почти в шпагате, куда устойчивей, чем прямое, не клонящееся и упрямое тело.

– М-да! Изделие! – задумчиво протянул Зеломудров и плеснул в пузатые коньячные рюмки густой, душистый напиток, приподнял свою и тонко усмехнулся:

– Ну, так выпьем, дорогой вы мой! За здоровье вашего дядюшки! Уважаемый человек!

Он неожиданно быстро опрокинул в рот все, что плескалось в его рюмке, и сладко причмокнул. Гулякин едва поспел за ним, но все же посчитал тактичным свою рюмку до конца не допить.

– Вас удивляет, Алексей Аркадьевич, почему я, посол, чрезвычайный и полномочный, важный такой, пью с вами наедине «Арагат» и нахваляю вашего дядюшку? – вдруг спросил он, прямо взглянув в глаза Гулякину.

Алексей вздрогнул и утвердительно закивал, а потом, на всякий случай, несколько раз отрицательно повел головой.

– А почему это вас удивляет? – продолжал занудливо настаивать Зеломудров.

– А меня, Никита Матвеевич, собственно, это не удивляет, а так сказать, радует, что ли! Я очень вас уважаю! И дядя о вас говорил не раз.

– ЗелоМУДОВЫМ называл? – расхохотался посол. – Букву «эр» упустил, старый черт! Не так ли?

Гулякин испуганно заморгал, потому что генерал-полковник Бероев именно так и говорил – «кремлевский козел ЗЕЛОМУДОВ!»

– Молчите? Значит, так и было! Меня так многие называют! Еще коньячку?

Не дождавшись ответа, он опять плеснул коньяку в рюмки, но пить сразу не стал, а неожиданно строго посмотрел в лицо Гулякину.

– Мне наплевать, как меня называют. Потому что я сам могу кого угодно и как угодно назвать! Вам ясно, подполковник?

– Так точно! – выпрямился на упругом кончике диванной подушки Гулякин и нервно сглотнул слюну.

– Вот и хорошо! Но, как вы, надеюсь, понимаете, пригласил я вас не для того, чтобы обсуждать такие интимные материи, как родовые имена и фамилии. Разговор пойдет о другом. Готовы ли вы выслушать меня и оставить все, что узнаете, здесь, в этой комнате?

Гулякин кивнул и нервно поставил рюмку на журнальный столик. Капелька коньяка, словно лопнувший крошечный мячик, шлепнулась на полированную поверхность и растеклась густым маслом.

– Не лгите! Ведь сразу доложите генерал-полковнику Бероеву! – ухмыльнулся Зеломудров. – И правильно сделаете. Потому что он ваш благодетель, ваша родня, ваше начальство!

Гулякин растерянно завертел головой. Он был теперь необыкновенно бледен, словно заболел чем-то очень тяжелым.

Зеломудров поднялся, подошел к окну, посмотрел на длинную стену посольской ограды и резко, на каблуках, развернулся лицом к Гулякину, все еще сидевшему в напряженной позе на кончике диванной подушки, сцепив перед собой руки в замок.

– Предстоят тяжелые времена, Алексей Аркадьевич! Идет выбор претендентов на Большой Русский Престол. Да-Да! Вы не ослышались! На Большой Русский Престол! Не важно, как будет именоваться этот пост! Лишь посвященным известно, что это – ПРЕСТОЛ!

Зеломудров поднял кверху палец, удивленно посмотрел на него и резко сбросил вниз, как сбивают у ртутного градусника показатель температуры. Он вернулся в свое кресло, выпил в одиночестве коньяк, сладко причмокнул губами и поставил рюмку на стол.

– Мы с вашим дядюшкой об этом подумали тоже, как и некоторые другие. Он не стал беседовать с вами на столь щепетильную тему, потому что таково условие нашего плана. Вы, конечно, можете быть с ним совершенно искренним, совершенно откровенным, но инструктаж отныне будете получать исключительно от меня, дорогой Алексей Аркадьевич. Я, так сказать, должен вас, м-м-м, образовать, что ли! В некотором смысле!

То, что подполковник Гулякин услышал следом за этим вступлением, показалось ему не то бредом сумасшедшего, не то детской сказкой из детского же сна. Лишь позже, спустя

много лет, он усмехался своему тогдашнему изумлению, насколько всё оказалось куда более реальным, чем сама реальность.

Закончился же первый разговор с Зеломудровым показом ему, подполковнику Гулякину, кожаного футляра с серебряной погремушкой и золотой с бриллиантами пустышкой.

– Вот! – протянул ему футляр Зеломудров, – Посмотрите! Это и есть будущее! Не важно кто, а важно – как! Для того, у кого это во рту и в руках – как скипетр и держава...

Глава 6

Кролик оказался действительно свежайшим и нежнейшим. Замочен он был в жирном молоке только, видимо, вчера поздно вечером, а сегодня, ближе к обеду, обжарен, после чего потушен с морковью, петрушкой, с цельными мелкими головками лука, ломтиками розоватого шпика да еще под белым сухим вином.

Облизывая пальцы, генерал Сергеев удовлетворенно кивал:

– А еще его готовят с шампиньонами. Тушат вместе с грибами, потом заливают сметанным соусом, а лучком приправляют исключительно маринованным, мелким, нежным, как детские пальчики. Но и это не всё! Французы, шельмы, знают толк в крольчатине, как, собственно, и во всем остальном.

Генерал мечтательно закатил глаза и стал загибать пальцы, отвалившись в плетеном ротондовом кресле:

– Оливковое масло, горчица, но не наша «вырви глаз», а их – сладковатая, кремовая, куриный бульон, можно из кубиков, красное вино, сухое, конечно, но только не уксус... Боже упаси, Сашок! Лавровый листочек, покрепче, чтобы не крошился... Сейчас удивись – джем сливовый или конфитюр. Можно и наше варенье, но непременно сливовое. Что еще? Ах да! Крахмал! Ложки две, не меньше! И, конечно, соль, перец, специи по вкусу. Все это, понимаешь, тушится, потом кладется в сотейник, заливается конфитюром или там вареньем, маринадом от лука, опять тушится и потом... жрется! Жена моя, знаешь, как это блюдо готовит, мерзавка! Все за него прощаю! Но это тоже ничего себе! А в Москве готовят переворот! Войска стянули, списки, похоже, какие-то составляют. У нас ведь без этого никак не могут! Вот. А еще кролика, после того, как его вымочат в молоке, хорошо обжаривают, заливают сметаной, засыпают луком, и десантной лопаткой хрясь по кумполу! Здорово, да?

Власин замер с набитым нежнейшим кроличьим мясом ртом, не отрывая изумленных глаз от вдруг посерьезневшего лица генерала. Александр Васильевич торопливо прожевал и проглотил крупный кусок и, едва не подавившись, схватил со стола бокал красного вина. Он отхлебнул сначала половину, потом опрокинул все остальное себе в горло.

– Что вы сказали? – перешел он неожиданно для себя на «вы» с Сергеевым. – То есть, что ты сказал?! По какому кумполу? Почему по кролику?

– По кролику? Зачем по кролику? По нашим соотечественникам! Хотя, впрочем, они тоже кролики, и их все равно к какому-нибудь обеду непременно подадут. С горчицей «вырви глаз», с бульончиком на крови и с солью. А ты говоришь «кролики»...

– Я ничего не понимаю, Андрей... товарищ генерал.

– Сдурел? – Сергеев шутовски завертел головой. – А если французская контрразведка услышит? Что ей прикажешь делать? Нет, они конечно, знают, кто ты и кто я, но есть же обязательные джентльменские правила игры для всех – ничто не называется своим истинным именем.

– Я не понимаю. Сначала ты про кроликов, а потом – переворот.

– Это я к слову, Сашок! Просто завтра тебе придется засесть за две взаимоисключающие бумаги: одна из них о том, как мы будем поддерживать консерваторов, а вторая – как мы будем их, так сказать, мочить. То есть коммунистический план и антикоммунистический. Важно, чтобы оба были выполнены безупречно – искренне и профессионально. Сумеешь?

Власин оперся локтями о стол, потер ладонью о ладонь и внимательно посмотрел в глаза генералу. Он надеялся увидеть в них знак пьяного, не очень умного, но все же безобидного розыгрыша, или даже, как он подумал с несмелой надеждой, сумасшествия. Но глаза Сергеева были серьезны и, как показалось Власину, печальны.

– Я не сошел с ума, мой друг! – кивнул генерал. – Не надейся занять мое место.

– Я, собственно... – растерялся Александр Васильевич и развел руками, словно небольшая птица распахнула крылышки.

– Шутки в сторону, товарищ полковник! – усмехнулся генерал. – Слушать сюда. Внимательно слушать, дорогой ты мой заместитель. В Москве группой обезумевших наших товарищей по партии готовится государственный переворот. Как он будет протекать, одному черту известно, но главное то, что в него втянуты несколько десятков крупных советских и партийных руководителей, несколько наших с тобой начальников, начиная с самого верхнего и старого, и еще какие-то важные чины. Но есть и сопротивление! Кто кого – покажет время. Поэтому нам с тобой, людям маленьким, вставать поперек этому времени не гоже. А значит, с завтрашнего дня мы начинаем, а, точнее, ТЫ начинаешь составлять два плана действия: один, если выиграют искренние консерваторы, а второй – если этим консерваторам другие консерваторы, которые думают, что они демократы, накрутят хвост. Задача ясна?

Власин отвалился в кресле, сцепив перед собой руки и не отрываясь смотрел на Сергеева.

– Думаешь, полковник, – еще раз усмехнулся Сергеев, – я провокатор? И мне так уж хочется подставить тебя, как глупого мальчишку? Подловить, так сказать, на цыплячьей искренности?

Власин молчал, не зная, что ответить генералу, но тот и не ожидал ответа. Он продолжил, отпив глоток вина:

– Эти времена канули в вечность, полковник! Доносы теперь не в моде, потому что за них нынче расплачиваются не кровью, а деньгами. Но так как скупых нынче много, то и расплата ничтожная. Стоит ли ронять себя, если за такое низкое падение не платят даже тридцать сребреников? Иуда предал Иисуса! Понимаешь, полковник, кого? Иисуса! А что теперь? Финансовая инфляция потянула за собой нравственную. Доносы обесценились. Я не продам тебя, Власин, потому что никто не купит. А так бы – запросто! А ты меня?

Власин хорошо знал своего шефа и совершенно не доверял в этот момент его пикантному, по-своему даже эстетичному, цинизму. Для чего он сейчас все это несет? Поигрывает перед ним? Кокетничает? Или принял для себя решение покинуть службу и теперь зачем-то тянет за собой Власина? А может быть, он вербует Власина? Но куда? В другую разведку? Что за игра, черт побери!

– Обратите внимание, генерал, – тихо сказал Власин, вновь перейдя на «вы», – Иуды встречаются повсеместно, а Иисус – один. Предавая, Иуда всегда предает Его, кого бы ни предал. Но мне надоела эта болтовня! Что от меня требуется?

– Ладно тебе! На «вы»! Ну, хорошо! Я немного увлекся. Философия не моя стихия! Послушай меня, Александр Васильевич, мне звонил Багдасаров и достаточно подробно информировал о том, что на родине готовится переворот. Причем, заговорщики считают его не переворотом, а, как бы это сказать, возвращением к истокам...

Власин раскрыл было рот, но Сергеев властно, словно сенатор в Риме, приподнял руку, потребовав молчания и внимания.

– Ни слова! Это не философствование, полковник. Заговор организован старыми безумцами, которые ничего толком не соображают, но обладают властью и силой. Но и те, которые им противостоят, если уж не безумны, то подлы несомненно. Но... но за ними история! Да-да! История, потому что иного пути нет, как нет иного способа выжить стране. Консерваторы все просрали, теперь очередь за современными политиками. Думаю, Главный долго не удержится, и снесут ему голову не старые дураки из Политбюро, а новые политиканы. Ему так или иначе не удержаться! А мы должны выбрать, потому что мы и есть истинная власть.

– Власть? Какая мы власть? Первая, вторая, третья, четвертая? Или, может быть, есть еще пятая?

– Единственная. Мы – это информация на всех, включая друг друга. А тот, кто обладает информацией, обладает властью. Так что, дорогой мой, завтра садись за свое рабочее место и

пиши сразу два плана, но не забывай о третьем. О том, который понадобится, когда не станет Главного и тех, кто собрался снести ему голову. Имей в виду две вещи: первое, что события будут развиваться стремительно, и второе – доносить на меня – дело гиблое во всех отношениях. Мне об этом станет известно сразу, а те, кому ты донесешь, вылетят из своих кресел по первой причине, то есть в связи со стремительно развивающимися событиями. Всё ясно, полковник?

Власин отвернулся: его голова была пуста так, как никогда в жизни. Он вдруг вспомнил о том, как попал в Париж: на хвосте у рыбы из глубоководной сибирской реки. Рыбы давно нет, а теперь, по всей видимости, не будет и страны, на территории которой течет та река, в которой обитала несчастная рыба. А в Москве – два сына, старший и младший, и оба не ведают еще, что им предстоит иной путь, чем путь их постаревшего отца. Власин еще не понимал, как это связано между собой, но что-то подсказывало ему, что связано, и что самое главное теперь – не два или даже три идиотских плана, а какое-то важное решение, касающееся его самого, жены и двух сыновей.

Он поднял глаза на Сергеева и просветлел лицом.

– Что? – удивился генерал. – Есть идея?

– Ага! Есть идея! – засмеялся Власин. – Если бы ты знал, какая идея!

– Ну, так скажи, какая!

– Зачем? Думаю, она же пришла и в твою голову. Но ты ведь ее вслух не произносишь! А?

Оба опустили взгляды в тарелку и задумчиво закивали, словно здоровались с останками кролика.

Глава 7

Оба мальчика Власины – пятнадцатилетний Максим и десятилетний Гаврик (назван в честь деда-чекиста по материнской линии) были ребятами веселыми и беззаботными. В специнтернате, расположенном в одном из тихих центральных райончиков Москвы, они числились сыновьями «видного советского дипломата», внуками «видных советских чекистов», а также правнуками «видного советского военачальника» (по отцовской линии). Иными словами, мальчики были очень «видными» со всех сторон, поэтому им позволено было немного шалить и много бездельничать. К мысли, что мир создан исключительно для их развлечения, они даже не привыкали, потому что с этим и родились. Своих предков они почти не помнили, разве что чекиста-деда и его взбалмошную жену (их бабу). Но и те быстро ушли в мир иной. По отцовской линии им тоже почти никто не запомнился.

Единственной родственной отградой по материнской линии был актер дядя Володя Постников. Позже, когда он занемог от старческого маразма и вдруг стал наезжать в интернат, искренне объявляя себя то дедом, то отцом мальчишек, их посчитали еще и выходцами из официальной советской артистической среды. Говорят, именно дядя Володя Постников помогал их дипломату-отцу долгие годы удерживаться во Франции. Все это необыкновенно ценилось руководством интерната, как клановое, вполне здоровое, с точки зрения советской генеалогии, явление.

Мальчиков ждала блестящая карьера: Московский государственный институт международных отношений, высшая школа КГБ СССР, разведывательное учебное заведение, аспирантура в МГУ, Дипломатическая академия, научная должность в одном из институтов Академии Наук, дипломатическая служба на высочайшем уровне, монографии, статьи, международные совещания и конференции, а также пленумы и съезды. Попутно – членство в ЦК и в международных организациях, борющихся за мир во всем мире против агрессоров и колониалистов. Но и дружба с этими самыми агрессорами и колониалистами тоже не исключалась. Словом, все как в шедевре режиссера Герасимова «Журналист» в его первой, зарубежной серии, но только еще круче, еще резче в очертаниях.

И все так бы и случилось, если бы однажды руководство великой страны вдруг не осознало, что руководить, собственно, больше нечем; что мыльный пузырь под названием «советская экономика» лопнул, источая гнилые запахи; что вся партийная и советская элита напоминает больше карикатурных героев эпического полотна придворного живописца, чем действительно является элитой; что больше нет денег на содержание густого генеалогического леса советских красных родов и что выживет теперь только самый наглый и самый хитрый, то есть начинает, наконец, действовать закон естественного отбора. Словом, заканчивался старый русский, а, точнее, советский, век, и начинался – новый.

Приметы нового времени сказывалось во многом. Почти сразу, например, прекратилось регулярное государственное финансирование интерната для особенно «одаренных детей из видных советских семей». Первой из проверенного педагогического коллектива сбежала директриса Раиса Ринатовна Давлетбаева, дама средних лет с крепким «фигуристым» телом, карими очами и пучком густых медных волос на затылке. Однажды утром она пришла в интернат, заперлась в своем кабинете, долго в нем возилась, чем-то гремела, куда-то звонила, потом распахнула дверь и вызвала к себе весь преподавательский и даже часть технического персонала.

– Вот, товарищи! – сказала Раиса Ринатовна, обводя руками вокруг себя и демонстрируя собранный в пакеты и узлы нажитый за семь последних лет скарб. – Собралась... Ухожу от вас, так сказать, на вольные хлеба, чего и вам желаю.

Раиса Ринатовна засмушалась от того, что сморозила глупость по причине причудливой кривизны своего советского стереотипного мышления. Она всегда опасалась, что поверхностность ее знаний будет время от времени подленько просачиваться сквозь нелепые склейки плохо усвоенных ею понятий. Успокаивала лишь общедоступная мысль о том, что «дураков в специнтернатах на руководящих должностях не держат». Ей казалось, что это усвоено всеми, хотя иной раз, заглядывая в глаза родителей некоторых своих питомцев, она начинала сомневаться так ли уж все с этим согласны.

– Да как же так, Раиса Ринатовна? – радостно возмутился физкультурник, он же завуч, Николай Николаевич Николаев, давно уже бредивший креслом, столько лет занимаемым Давлетбаевой. – Так неожиданно! Да как же мы без вас, дорогая вы наша! Неоценимая вы наша! Умница вы наша!

– Оставьте, Николай Николаевич! – раздраженно прервала его Раиса Ринатовна. – Уж кто-кто, а вы, мой милый, без меня прекрасно обойдетесь. Думаете, небось, что теперь вас назначат на эту должность?

– Я? Да что вы! Да Бог с вами! Мое дело простое – пробежки, прыжки в длину и в высоту и прочие удовольствия, – самодовольно ухмыльнулся физкультурник Николай Николаевич Николаев по прозвищу «Три Николая». Он-то был убежден, что, кроме него, на эту должность никто претендовать не смеет. Старейший член партии, верный принципам открытого и тайного информирования органов обо всех заблуждениях друзей и вылазках врагов, не блещущий образованием и не философствующий, «как некоторые», не имеющий врагов ни в преподавательской, ни в технической, ни в ученической среде, в меру пьющий, оптимистичный даже во время похмельного синдрома – все это и многое другое было достаточно серьезным аргументом, чтобы придавить конкурентов своими сухими пальцами, как вредных насекомых, и быть назначенным на должность директора специнтерната. Так что его заявление об отсутствии праздных амбиций на этот высокий пост было всего лишь необходимой позой.

– И правильно! – кивнула довольная Давлетбаева. – Правильно! Потому что на мое место уже назначена Любовь Антоновна Рукавишникова, наша скромная «биологиня».

Все растерянно обернулись назад, где в углу мышкой сидела маленькая, женщина лет тридцати пяти, с прыщавой кожей лица, сизыми, невыразительными глазками за толстенными линзами очков и бледно-розовыми, всегда дрожащими, словно в пароксизме начинающейся истерики, губами. Физкультурник по прозвищу «Три Николая» даже привстал, чтобы получше разглядеть эту хитрую подлую мышь, которая оказалась коварной крысой.

– Я?! – растерянно указала на свою плоскую грудь Любовь Антоновна и побледнела. Казалось, она вот-вот разрыдается и грохнется в обморок.

– Вы! Вам доверено! – твердо заключила Давлетбаева. Она очень не хотела оставлять место себя того, кто сделает всё возможное, чтобы затмить память о ней, а эта маленькая мышка, как бы ни тужилась, выше своего росточка никогда не прыгнет. И еще она предчувствовала острое наслаждение от ощущения того, как воспримет этот ее последний каприз стайка мелких, зубастых грызунов. Раиса Ринатовна любила доставлять себе необычные удовольствия.

– А как же вы, Раиса Ринатовна? Куда же вы? – запричитали все.

– А это пока секрет! Всему свое время!

– Э! – вдруг оправилась от первого шока Рукавишникова. – Я что же, теперь здесь сидеть буду?

В ее голосе как-то слишком быстро зазвучали нотки радостного возбуждения, что немедленно насторожило всех. К слову сказать, эта общая настороженность пробудила не сопротивление обстоятельствам, а скорейшее к ним приспособление. Суть ее состояла как раз в том, что исчерпывающе объясняло поведение нескольких поколений советских граждан: сопротивляться они разучились уже давно, а вот приспособливаться, а, значит, так или иначе потвор-

ствовать развитию вредных и крайне опасных для жизнедеятельности национального организма обстоятельствам, умели и видели в этом единственный путь к спасению.

Хотя достаточно было лишь немного задуматься над механизмом работы этого процесса, и стало бы совершенно очевидно, что лозунг «свобода или смерть» куда более полезен для организма, нежели трусоватое «стерпится-слюбится». Потому что в таком случае еще, пожалуй, остается шанс выжить, а не мутировать в свою полную противоположность, выраженную уродством и слабостью. А это, как известно, природой никогда не поощряется и потому заводится ею же в зоологический тупик. Особь, вид исчезают, а, значит, исчезает и нация. Так что приспособляемость иной раз – дело крайне непродуктивное!

Но разбираться в этих философских хитросплетениях педагогический коллектив специнтерната не стал, потому что у него в этом не было ни малейшего опыта. Даже «Три Николая» немедленно уступил своим врожденным страхам и запрятал как можно глубже свои нереализованные амбиции.

– Чудесное решение! – первым воскликнул он и с тревогой впился в глаза «биологини» Рукавишниковой. – Лучше и не придумаешь! Вот ведь мудрость руководства! Вот ведь ход! Враги оторопели, я убежден!

Какие враги и почему оторопели оттого, что мелкую мышь назначили на хищный пост, никто из педагогов понять не только не мог, но даже и не намеривался сделать это. Просто мысль приняли как свежий лозунг и горячо зааплодировали.

– Браво! Поздравляем! Дорогая вы наша Любовь Антоновна! – раздавалось со всех сторон. Люди поднялись, пришли в движение, восторг неожиданно вспыхнувшей любви к мелкому грызуну грозил перерасти в массовую истерику. Раиса Ринатовна очумело оглядела коллег и подумала, что не до конца знала их, что переоценивала влияние собственной личности на каждого из них и что чаще, чем следовало, принимала их преданность за чистую монету. Она густо зарделась и резко хлопнула ладонью по столу. Все одновременно вздрогнули и разом обернулись к ней. Рукавишникова тоже привычно приподнялась и испуганно-преданно вперила подслеповатые глазки в раскрасневшееся лицо директрисы. Она вдруг с ужасом подумала, что всё это было лишь шуткой или даже испытанием на верность. И теперь всем несдобровать! Такой интернат! Такие возможности! Регулярные продуктовые заказы в спецраспределителе, блестящие характеристики, поездки в Болгарию, Венгрию, Польшу и в ГДР с делегациями по обмену педагогическим и политическим опытом, наконец, зарплата на пятнадцать процентов выше, чем в обычной средней школе – за секретность, за ответственность, за вредность, то есть за государственную полезность. Да мало ли! И всё так неожиданно обвалилось, так глупо распласталось и теперь ни за что не поднимется!

Вероятно, такие же мысли были у всех, но Раиса Ринатовна вдруг криво усмехнулась:

– Но! Но! Загадели! Я еще пока здесь! Старый король еще не умер, чтобы орать его наследнику «да здравствует король!» Завтра! Завтра, друзья мои, наша уважаемая Любовь Антоновна вступит в свои права. А сейчас все по местам: нас ждет молодое, трепетное поколение, которому нет дела до кадровых революций! Хотя, впрочем, это и не революция, а скорее – эволюция! Не так ли, преподаватель биологии, товарищ Рукавишников? Эволюция?

Любовь Антоновна после секундного замешательства закивала. Педагогический коллектив облегченно выдохнул и широко заухмылялся. Загремели стулья, зашелестели платья, заскрипели ботинки, и Раиса Ринатовна осталась одна в окружении нажитого ею скарба. Она грустно улыбнулась и устало махнула рукой, будто отгоняя от себя рой навязчивых мелких мошек.

Раиса Ринатовна Давлетбаева шла на повышение, причем не прямо вверх, а по соблазнительной диагонали. Её рекомендовали помощником «по общим вопросам» к советскому чрезвычайному и полномочному послу в одной маленькой, но очень важной европейской державе, к Никите Матвеевичу Зеломудрову. Кто-то может сказать, что это вовсе не повышение,

но этот «кто-то» просто ничего не смыслит в таком деле. Директор даже специального, почти секретного интерната – все же всего-навсего руководитель педагогического коллектива, пусть даже весьма квалифицированного, и лишь только посвященные понимают его роль в политической жизни страны. А вот помощник чрезвычайного и полномочного посла, да еще такого ранга как товарищ Зеломудров – это, как сейчас принято говорить, «брэнд», фирменный знак, акт особого доверия. В том, что Зеломудров будет расти, нет никаких сомнений, а, значит, он непременно потянет за собой свою команду, тем более, если она рекомендована ему самим генерал-полковником Бероевым.

Покойный муж Давлетбаевой, полковник КГБ Рашид Эльдарович Давлетбаев, долгие годы, до самой своей смерти от чего-то очень загадочного, был старшим референтом Бероева. Соблазнительная в молодости, да и в последующие годы, Раиса Ринатовна сразу обратила на себя внимание любвеобильного генерал-полковника. Это немало способствовало карьере мужа, да и ей доставляло много самых разных удовольствий: от телесных до личных карьерных. О связи Бероева с Давлетбаевой не знали только мертвые, но только мертвые набрались бы смелости это обсуждать между собой.

Связь Раисы Ринатовны и генерала Бероева продолжалась и после неожиданной смерти Рашида Эльдаровича. Напротив, она даже окрепла и стала еще более трогательной, почти как невинная любовь между братом и сестрой. Однако годы шли, и Раиса Ринатовна больше не могла рассчитывать на то, что своими прелестями сумеет удержать Бероева. Ведь она не была ему женой, а, значит, не имела даже и этих, весьма умозрительных, шансов.

Генерал-полковник был человеком разумным и опытным. Он понимал, что время склонно разрушать пространство, особенно, если фрагментом этого пространства является тело женщины. Но и демонстрировать черную неблагодарность столь верному телу он тоже не намеревался. Необходимо было придумать ход, в соответствии с которым то, что «нам мешает, нам и поможет».

Назначение стареющей лиса Зеломудрого на «чрезвычайный и полномочный» пост, а также неоднократные намеки Крюкова и кое-кого в ЦК партии на то, что за Зеломудровым будущее, подсказали Бероеву тот самый ход. Ему теперь были остро необходимы свои люди около Зеломудрого, причем, с двух сторон: с одной – племянник Лешка Гулякин, и старая боевая подруга Райка Давлетбаева – с другой. К тому же, Раиса Ринатовна больше не будет ему, Бероеву, досаждать своим присутствием в Москве. И благодарность ей... так сказать! Великолепно! Блестящая разведывательная комбинация! Школа, черт побери!

Назначение состоялось без особых трудностей. Член партии с незапамятных времен, «безупречный руководитель», заслуженный учитель истории и обществоведения, рабочая, так сказать, косточка, в меру образованная, член райкома партии, депутат городского Совета, орденносец (Орден Трудового Красного знамени, Знак Почета и три медали), верная и неглупая, морально устойчивая, нравственно выдержанная – всё это было несомненным «активом товарища Давлетбаевой Р.Р.». В ее партийной характеристике именно так всё и было записано. Словом, появился еще один начинающий дипломат, правда, за счет «практически невосполнимой потери» в системе советского просвещения. В заключительном слове на бюро Московского горкома партии это сообщил соратникам заведующий административным отделом. Кто-то из старых большевиков или большевичек даже всхлипнул, решив, видимо, по причине своей возрастной рассеянности, что партия хоронит очередного своего верного бойца. Но боец умирать не собирался! Напротив, жизнь только начиналась! Вдова чекиста, партиец и педагог Раиса Давлетбаева делала шаг в новое измерение.

Однако же вернемся в интернат. «Молодое и трепетное поколение, которому нет дела до кадровых революций», о чем с доброй иронией сказала в виде последнего напутствия педагогам новоиспеченный дипломат Давлетбаева, раньше самой власти знало о том, что власть в интернате поменялась. Откуда и как такие слухи произрастают, загадка почти биологиче-

ская. Разобраться в ней также невозможно, как в возникновении любовного импульса. Ясно лишь одно: и то и другое появляется из глубин человеческой природы и исключительно во имя выживания биологического вида.

Питомцы специнтерната звали за глаза свою «биологиню» Любовь Антоновну Рукавишникову «Мышкой».

– Мышку на место Раисы назначают! – авторитетно заявил низкорослый, толстый внук заместителя министра не то тяжелой, не то средней, не то еще какой-то очень секретной промышленности, он же – сын советника посольства где-то в Тихоокеанском регионе, Борька Тихонов, по прозвищу «Боров». – Слыхали?

– Ты-то откуда знаешь? – недоверчиво ухмыльнулся Максим Власин, его одноклассник.

– А это уже государственная тайна! – поднял кверху палец Боров. – Источники информации не выдаются даже под страхом смерти!

– А Раису куда? – не унимался недоверчивый Максим.

– Куда надо! – важно ответил Боров и вдруг понизил голос: – В одну маленькую, но очень важную европейскую державу, где много-много банков и много-много разных тайн. Помощником, словом, к чрезвычайному и полномочному.

Но новое назначение в это время не особенно беспокоило питомцев специнтерната, потому что учебный год подошел к концу и до сентября 1991-го года им было свершенно безразлично, кто блаженствует в директорском кабинете.

Однажды поздно вечером Максима и его младшего брата Гаврика дежурный воспитатель по специнтернату, о котором говорили, что он спившийся разведчик, позвали к телефону.

– Алло! Хлопцы! – услышали они голос отца. – Как вы там, шпана замоскворецкая?

– Классно, батя! – ответил за обоих Максим и грубо отбил руку младшего брата от трубки. – Гаврик тут мешает!

– Гавриил – твой младший брат, Макс! Он мешать не может! Выпорю! Обоих!

Но в тоне отца Максим Власин почувствовал необыкновенную веселость, и то, что он намерен пороть сыновей, совсем не было похоже на правду.

– Папа, вы приедете с мамой? Вдвоем? – умудрился все же выкрикнуть в трубку Гаврик. Он был значительно ниже высокого и худого Максима – полный и неуклюжий, поэтому не мог одолеть брата не только в борьбе за телефонную трубку, но и за всё, что должно было делиться между ними поровну – внимание родителей и удовольствия мальчишеских развлечений.

Александр Васильевич услышал младшего сына:

– На этот раз вы приедете к нам, ребятки. Я уже звонил в свое ведомство, документы вам приготовят и сообщат об этом в интернат. Билеты на самолет и всё прочее привезет кто-нибудь из моих коллег. Пусть дядя Володя Постников вас проводит. Мама ему позвонит. Она, кстати, шлет вам горячий парижский привет и настоятельно требует, чтобы вы жили дружно и умно. Впрочем, второе – это уже мое требование!

Гаврик вставал на цыпочки и прижимался горячей полной щекой к щеке брата. Ему удалось услышать в мембрану трубки почти всё.

– Классно! – запрыгал он, как теннисный мячик, и закричал так громко, что дежурный воспитатель, подслушивающий на всякий случай разговор из-за угла, даже вздрогнул. – В Париж! Батя! А к океану поедем? Или хотя бы к морю!

– Поедем, поедем! – отмахнулся на том конце телефонного провода отец. – Если будете себя правильно вести! Да, а как ваши успехи на ниве знаний, братцы?

– Как всегда, батя! – усмехнулся Максим. – У меня на этой ниве все в порядке, всходы ждем в виде правильных оценок, а вот у некоторых балбесов урожай будет так себе. Соответственно их интеллекту.

Гаврик густо покраснел и с упавшим сердцем отстранился от щеки брата.

– Ты что? – зашипел он. – Меня же в Париж не возьмут! К океану!

Но Максим раздраженно отвернулся от него и закончил:

– Нормально всё, батя! Подзатыльником обойдется! Во всяком случае, на второй год не оставят, так что, можно сказать, по-большевистски, по-ленински «план-минимум» выполнен.

– Ого! Подкованный у меня старший сын! – засмеялся Александр Васильевич. – Здорово вас муштруют!

– А как же! – съязвил Максим. – Родина!

– Ты это... – испугался Власин-старший. – Того...! Что за шутки?

– Какие шутки на ночь глядя, батя? – рассмеялся Максим. – Ладно! Всё путём! Ждем депеш и бандеролей!

Разговор прекратился, Александр Васильевич устало опустил трубку в своем «верхнем» кабинете, что над посольской «субмариной».

Он начинал выполнять личный план, который пришел ему в голову в «кроличьем» ресторане. Одновременно с этим полковник Власин писал два других совершенно секретных плана – о том, как вести себя оперативному составу в случае переворота, а как – в случае его провала. Там было множество подпунктов, множество нюансов, в которых, пожалуй, никто не стал бы разбираться.

А в Москве двое его мальчишек радостно запрыгивали уже под свои казенные одеяла. Старший, Максим, засыпая, думал о юных школьницах-парижанках, и втайне мечтал сойтись с ними со всеми как можно ближе... ну, хотя бы, с одной из них! Его младший брат Гаврик в это же время видел себя на борту океанской яхты, рядом с отцом, человеком мужественным и стойким, ну, и, так уж и быть, с братом Максимом где-то на заднем плане. На Максима осуждающе поглядывала мама и кивала ему на красивое, волевое лицо Гаврика: «Гляди, балбес, как должен вести себя истинный мужчина!». Глубокие, свинцовые воды, омывавшие борт океанской яхты, резала огромная остроносая, рыбина, которую когда-то вместе с дядей Артуром Петровым поймал в Оби отец. Гаврик лучезарно улыбался маме и снисходительно косился на трусоватого старшего брата. Высокий, стройный Гаврик был прекрасен в своей мужественной ясности.

В полубреду мечтаний Гаврик всегда выглядел так, как выглядит в жизни Максим, а Максим был очень похож на Гаврика – невысокий, рыхлый, с бледным лицом.

Их жизнь только-только начиналась, а в ней уже было столько странной путаницы...

Глава 8

Отец Василий с трепетом в душе выслушал прихожанку Анну Гавриловну Власину и, благословив ее, отпустил.

Анна Гавриловна, как и обещала, выяснила у мужа, что за слухи расплозались по Москве о каком-то заговоре или готовящемся перевороте, и прибежала с этим к святому отцу. Разговор состоялся все в том же саду за храмом, в уютной беседке, ближе к полудню. Чаю на этот раз не было, как не было и киевского вишневого варенья, московского печенья и парижских сладких сухарей. Оба торопились – один выслушать, доложить, куда следует, и поспешить к службе, а вторая – сообщить батюшке все, что вызнала, и скоренько вернуться домой. Да и нашептывала-то Анна Гавриловна скороговоркой, нервно оглядываясь, будто выдавала страшную государственную тайну:

– Вот так Александр Васильевич, муж мой, и сказал: надо, мол, быть готовой к тому, что на родине может многое поменяться. Я к нему с вопросами, как вы велели...

– Я не велел, дочь моя, – недовольно сопя, прервал прихожанку отец Василий, – а напутствовал! Ради общего блага.

– Простите, батюшка, – покраснела Анна Гавриловна. – Мы в миру такие неловкие, такие неловкие!

– Продолжай, Анна Гавриловна, продолжай, – смягчился отец Василий.

– Так вот, батюшка, – захлебывалась взволнованная прихожанка, – муж мой не был со мной полностью откровенен по причине, вам, надеюсь, известной – всё же служба обязывает придерживаться определенных ограничений – но, так или иначе, кое-что сказал. Мы специально для этого вышли из дома в Булонский лес... погулять.

Отец Василий заметно подался вперед и чуть развернул голову ухом к прихожанке.

– Говорит, – горячо продолжила Анна Гавриловна, – какие-то ответственные и важные государственные мужи находятся нынче на распутье: думают, смириться ли с новым веянием в политике, представленной товарищем Горбачевым, а также товарищами Яковлевым, Лигачевым, Шиварнадзе и некоторыми другими, или дать им... простите, Бога ради, батюшка, не мои сии слова, лишь цитирую... веслом по заднице, чтобы летели к веселой матери вместе со своей перестройкой, гласностью и плюрализьмой. Так и сказал: «с плюрализьмой». Еще засмеялся. Слово, мол, смешное.

– М-да, смешное, – задумчиво протянул отец Василий. – Очень смешное! Ты говори, говори, дочь моя.

– Так это всё! Говорит, и так может быть, и эдак, мол. И переворот, и даже очень наоборот. Почти стихами... Бумаги он какие-то пишет, планы! На все случаи, для своих воинов! Вы ж сами их так называете! – Анна Гавриловна в страхе, что опять не вовремя сослалась на слова отца Василия, забегала глазами. – Как, мол, им быть, если рифма перевернется! Готовятся! Говорит, везде так. Я, так понимаю, батюшка, что это значит: во всех наших посольствах, во всем мире. И так, и эдак ожидают...

Отец Василий тряхнул головой:

– Выходит, скоро уже? Ежели готовятся...

– Выходит, батюшка.

– Ну и ладно! Наше дело стороннее. Мы люди маленькие, к Богу приставленные. Пусть уж миряне сами как-нибудь.

Он вдруг строго взглянул на Анну Гавриловну, быстро перекрестил ее, сунул для лобызания руку и тут же легко толкнул в плечо.

– Иди, иди, дочь моя! И о нашем разговоре забудь! Случайный он, совсем даже ненужный. Иди себе с миром! Благословляю! Бог тебе в помощь!

Сразу после ухода прихожанки отец Василий вбежал к себе в «келью», как он называл свое довольно комфортабельное жилище при храме – о пяти комнатах и двух кухнях (зимней и летней), и набрал на память московский номер. Ответил густой поставленный бас, который обычно бывает лишь у дьяконов:

- Вас слушают.
- Отец Василий, из Парижа, беспокоит.
- Угу.
- Как велено... проверил слухи.
- Угу.

– Так и есть, готовятся. Поступила команда из Центра. На два случая – если перевернут власть и если их самих... того... перевернут. Везде так, во всех резидентурах, простите за слово. Мирское оно, не от Господа.

– Угу.

– Выходит, и наверху нет согласия, коли в такие службы приходят взаимоисключающие приказы, да еще из одного и того же источника! Говорят, скоро уже, очень скоро! Вот, собственно, и всё, что могли... из наших, так сказать, Палестин. Я устно вам, лично, без бумаги. Это ничего?

– Угу.

– Благословите, святой отец!

– Угу!

– Мир и вам. Благодарствую. Целую руку.

Разговор закончился и вспотевший до исподней рубашки отец Василий торопливо перекрестился и поспешил в храм готовиться к службе. К тому времени, должно быть, уже пришли хористы – две пожилые дамочки и два среднего возраста прихожанина, все четверо из черниговских хоровых певцов, что в панике покинули Украину сразу после Чернобыльских событий, и правдами и неправдами осели во Франции.

Московский собеседник отца Василия тем временем почесал затылок, заросший густой гривой, и, обтерев пот со лба, решительно закрутил на телефонном диске важный номер:

– Подтверждается из всех источников, – сдержанно, подавляя мощный природный бас, загремел он в трубку. – Сейчас последний звонил! Так и есть: поступила команда прямо отсюда. Везде, похоже, одна и та же. Думаю, от самого Багдасарова. Уж очень хитра! И вашим, так сказать, и нашим! Человек он осведомленный, а коли и он не уверен, так не следует связываться ни с теми, ни с другими. Выждать надо! Кто одолеет, с тем и договариваться после.

– Так и доложить? – строго спросил кто-то немолодой, со скучным, серым голосом, на том конце телефонного провода.

– Так и доложите, ежели пожелаете. Наше мнение такое! А уж наверху самим решать. Мы подчинимся любому распоряжению! Благословите!

– Бог в помощь! Благословляю, сын мой!

– Благодарствую!

Вот так решила духовная судьба готовившегося путча. Как не было ему проклятия, так не было и благословения, которым одаривались лишь умные, осторожные информаторы. Путч повис между небом и землей: на небе о нем знать пока что ничего не желали, а на земле боялись прогадать.

Тем временем Анна Гавриловна прибежала домой. Муж был на службе (видимо, писал две свои взаимоисключающие бумаги), а она металась от стены к стене в волнении: опять, выходит, подвела своего Власина! Ведь передала же разговор с ним постороннему! Как же это теперь объяснить даже самой себе? С одной стороны, исполнила долг прихожанки, а с другой – разве велено Иисусом Христом мужа предавать? Не из-за того ли случился когда-то, в достопамятные времена, непримиримый разлом между древним иудаизмом и юным христи-

анством? Не в этом ли их извечный, принципиальный конфликт – в неожиданном противоречии долга перед родителями и долга перед Богом, долга перед детьми и теми же родителями, перед Богом и мужем! Можно ли жертвовать родным человеком во имя Идеи, можно ли отдать его в распоряжение Тому, Чьи пути неисповедимы? Всё ли так ясно? Всё ли так одноцветно? Оправдано ли жертвоприношение детей и близких прародителей человеческих и их чад Богу или же протест их свят? Не в том ли несчастного советского жертвователя Павлика Морозова великая ошибка – он за Бога принял власть, а за Сатану родителя своего! Мучимая такими необычными для себя сомнениями, Анна Гавриловна обхватила горло руками и, сдерживая истерику, еще быстрее заходила по комнате.

И вдруг она замерла у одной из стен, от которой собиралась метнуться к противоположной, пораженная ясной и холодной мыслью: «не она виновата в предательстве, не ее Власин и даже не его близкое начальство, а вся их сатанинская система, вся их власть во главе с теми, кому наплевать на тех, кто ниже и слабее, кто поставил себе на службу и государственный флаг, и государственный гимн, да и всю государственную идею!»

Анна Гавриловна упала на диван, словно ее покинули силы:

– Боже! Как всё ясно! – сказала она вслух и в страхе сунула себе в рот маленький, побелевший от напряжения, кулачок.

Власин не позволял ей разговаривать дома на щепетильные темы, будучи убежденным, что их квартиру прослушивают: либо свои, либо чужие. Чтобы обсудить что-то важное, Александр Васильевич и Анна Гавриловна выходили на прогулку в Булонский лес или на набережную – так, чтобы пространство вокруг хорошо просматривалось, или же они сами были бы надежно скрыты за деревьями и кустарником.

Но думать-то ей не запрещалось! Да и кто бы посмел!

Анна Гавриловна вдруг осознала, что история с Лешкой Гулякиным тоже была возможна лишь потому, что чья-то злая сила, чья-то подлая длань затолкала ее тогда в постель к чужому мужчине, и что сила эта, и рука эта те же, что не дают жить по-божески вот уже почти восемьдесят лет целому народу. И теперь, теперь эта же коварная лапища принудила Анну Гавриловну совершить очередное предательство, откровенничать с чужим, хоть и святым (!), человеком. Сколько же лет держит сия сатанинская силища в напряжении всю власинскую семью! Сколько нервов измотала: не дает жить там, где хочется семье, а всё грозит вернуть туда, где бушует ее жуткое ядро, где вылупляются из яиц ее чудовищные птенцы! Нет свободы! Нет искренности! Один лишь обман! Одна лишь подлость!

Анна Гавриловна считала себя жертвой дьявольского общественного строя, и свое пребывание во Франции, в Париже теперь понимала почти как эмиграцию. Она напрочь забыла в это мгновение, как попала сюда, кем был ее отец, кто ее муж и за счет чего существовали их семья. Ей впервые пришла в голову мысль, которая после того, как обрстет вполне реальными деталями, действительно изменит всю их с Власиным и двумя детьми жизнь.

Глава 9

Подполковник Алексей Аркадьевич Гулякин встречал самолет прямо на летном поле. Он немного волновался, потому что таких ролей еще не исполнял. За его спиной стояла молчаливая группа советских дипломатов, которых за день до прибытия самолета собрал Чрезвычайный и Полномочный Зеломудров и, говоря языком того же Гулякина, закрутил им всем разом хвост колечком.

– Встреча председателя правительства – дело ответственное, товарищи! И это вам даром с рук не сойдет! – многообещающе начал посол.

Он прошелся по кабинету и зачем-то внимательно посмотрел в окно – на глухую посольскую стену с ее внутренней, еще более скучной, стороны.

– Встречать дорого гостя поедут товарищи, которые зарекомендовали себя лучшим образом за последнее время. – Зеломудров оглядел трепетные лица младших коллег и хмыкнул со значением.

В этом коротком звуке не было ничего странного и тем более загадочного, потому что все зеломудровские привычки были известны задолго до его приезда. Он ценил людей по единственному признаку: «личная преданность». Поэтому каждый, кто не успел засвидетельствовать свое почтение и любовь к вновь назначенному послу, мог со спокойной душой поставить на себе и своей карьере жирный, сочащийся, если не кровью, то слезами, крест. Лучшим приемом считалось покаяние или открытое, возможно даже в письменном виде, самобичевание и, наконец, прозрение в пользу несомненно гениальной личности («Да как я мог не заявить об этом раньше! Как я, ничтожный, посмел умолчать о таком уникальном явлении! Казнить меня, да и только!») и окончательное падение ниц к разношенной обуви гения.

Так вот, этот самый звук, напоминающий капризное хныканье, призван был констатировать всё то, что считалось Зеломудровым добродетелью чиновничества и личной преданности.

Дипломаты и те, кто пользовался дипломатическим паспортом в секретных служебных целях, беспокойно заерзали на стульях, диванчиках и в креслах. Лишь некоторые из них, те, кто успел «покаяться и признать», присосанились. И не случайно! Потому что именно они были назначены во встречающий эскорт.

Насторожили всех лишь две вещи: во-первых, то, что возглавлять встречающих посол не будет, а станет дожидаться высокого гостя в своих покоях, и во-вторых, что главой делегации «хозяев» назначен новый человек из «липовых» дипломатов по прозвищу «Гуляй-поле» (его кличку сообщили коллеги из Франции сразу по его приезде), а по имени-фамилии – Алексей Гулякин. Да и со званием у него было так себе – всего лишь подполковник.

Как всё это объяснить, дипломаты, особенно кадровые, привыкшие к традиционным политическим интригам, не знали. Столь информированный человек как Зеломудров не мог бы пренебречь честью встретить председателя правительства, которое сам же представлял за рубежом, если бы этот самый председатель не производил впечатления «смертельно больного», то есть очень временного в политическом пространстве человека. Демонстрировать персоне с таким сомнительным диагнозом свое уважение и, тем более, преданность, было делом не только ненужным, но даже вредным.

Получалось, по мнению закоренелых дипломатических интриганов, что дни председателя сочтены.

Но что же всё-таки значило назначение Гулякина на роль главного встречающего? Зеломудрову достаточно было направить туда какого-нибудь старшего дипломата, от которого необходимо было в ближайший год избавиться, и одним выстрелом, как говорится, убить сразу двух наглых зайцев.

Значит, дело не в этом! Остается лишь предположить, что Гулякину дают возможность получить необходимый для будущей карьеры опыт и «засветить» свою крысиную мордочку в «общественном» пространстве.

Все именно так и объясняли себе неожиданное решение Зеломудрова и в связи с этим даже посчитали обязательным для себя привстать и легко, искренне поклониться серому человеку по прозвищу «Гуляй-поле».

Наступил день встречи, и «протокол» заработал. За спиной Гулякина на поле стояли не только дипломаты, но и их жены с пышными букетами цветов в руках. Деловой визит председателя с первых мгновений грозил перерасти в трогательный семейный посольский праздник.

Самолет чиркнул колесами по посадочной полосе и покатил вдаль, резко снижая скорость. Затем он мягко развернулся и пополз в сторону встречающих. Поехал трап, кто-то из местной obsługi стал быстро раскатывать красную дорожку. От здания аэропорта отделились несколько больших черных автомобилей и двинулись к началу дорожки. Из машин неторопливо выбрались с десяток туземных дипломатов и крупных начальников во главе с местным премьер-министром. Из ниоткуда образовался духовой оркестр с военными музыкантами, опутанными тяжелыми серебряными аксельбантами, в нахлобученных по самые брови высоких касках с перьями. Неуместно в этих географических координатах и явно раньше времени грянул советский гимн. Это случилось в то же мгновение, когда на верхней площадке трапа следом за чистыми, как у Божьей матери и ее младенца, ликами двух стюардесс и одного светловолосого красавца в лётной форме, появился председатель с мрачным лицом преподавателя-зануды, в очках, с яблокообразными щеками и маслянистой челкой над скошенным лбом. Председатель недовольно осмотрел европейское пространство, открывшееся перед ним, сжал полные губы, выдавив их на лице наподобие сизого пузыря, и стал спускаться к красной ковровой дорожке.

Навстречу ему бодро пошли туземный премьер, несколько серых личностей из его окружения, а со стороны русской делегации выдвинулись боевой «свиньей» Гулякин (на острие фигуры) и «сопровождающие лица», как принято писать в скучнейшей политической прессе.

Состоялся обмен рукопожатиями, холодными улыбками, затем последовало перебрасывание цветов из одних рук в другие, взмахи дирижерской палочкой, второй гимн со стоянием навтыжку гостей и хозяев, и, наконец, торопливый отъезд на черных лимузинах – делегации гостей, эскорта, охраны, а также сопровождающего председателя правительства собственного журналистского стада, которому очень хотелось быть хотя бы стаей, и всякой иной технической мелкоты.

Председатель прежде, чем раствориться в пещерном сумраке салона лимузина, успел быстро пробежать настороженным взглядом по лицам посольских работников и недовольно вскинуть бровь оттого, что не нашел среди них Никиты Матвеевича Зеломудрова. Гулякин уловил момент и шепнул председателю:

– Я за него пока. Ждет у себя. Есть некоторые обстоятельства. Он сам всё объяснит.

Но председатель не нуждался в объяснении. Он ведь был одним из самых деятельных участников того самого заговора, о котором тайно шумела вся страна, и теперь сразу определил место в нем Зеломудрова и людей, стоящих за ним, рядом с ним и около него. Председатель внутренне вздрогнул, по его полной спине прокатился холодок. Не знак ли ему подан? Мол, остановись пока не поздно! Советская номенклатура всегда обладала набором таких тайных знаков, которые и не снились самым загадочным, самым тайным сообществам, ломам и племенам. Усвоивший эти знаки, эти шифрованные намеки мог без последствий для себя отказать от обычной человеческой речи, настолько они были полны информацией: наподобие иероглифов, обозначающих не буквы и даже не слова или фразы, а целые понятия и, более того – яркие эмоциональные полотна. Видимо, поэтому истинно советский, а ныне российский, номенклатурный работник высокого ранга выглядит нередко окаменевшим изваянием

египетского фараона, либо спящим Буддой. Ему не нужны слова! Он **ВИДИТ** сквозь них и сквозь нас...

Председатель относил себя именно к таким персонам и поэтому, надо заметить, весьма близко к истине понял отсутствие товарища Зеломудрова в начале красной ковровой дорожки в аэропорту.

На Гулякина обратили особое внимание сопровождающие председателя лица, и в первую очередь – начальник охраны главы советского правительства, полковник Владимир Викторович Ведомственный. Заметим, что его странная фамилия образовалась не из истории чиновничьей жизни его предков, так как таковых он никогда не знал. И еще добавим, что был он из детдомовских, причем из такого места, где всем питомцам давались подобные фамилии. Если их туда доставляли чекисты или милиционеры, то фамилия была как ныне у этого полковника, а если дети поступали по инициативе других организаций или даже частных лиц, то и фамилии назначались другие: например, Коллективов, Комсомолов, Исполкомов или Индивидуалов, а еще реже – Индивидов. В дальнейшей жизни нареченные братья Ведомственные редко общались с нареченными «братьями» Коллективовыми, и еще реже с модификациями всяких там Индивидуаловых и, тем более, Индивидовых. Фамилии диктовали будущее, словно это был код, внесенный в жизнь вчерашних беспризорников чьей-то опытной государственной рукой.

Полковник Ведомственный каким-то особым оперативным чутьем угадал, что бледный, худой, невысокий тип и есть тот самый Гулякин, племянник генерал-полковника Артема Лаврентьевича Бероева, и незаметно подплыл к нему сзади.

– Алексей Аркадьевич, – профессионально чрево вещал он, не раскрывая губ, – наше вам с родины! Минутку уделите позже?

Гулякин сначала отшатнулся в страхе, затравленно стрельнул за плечо взглядом, но затем согласился:

– А как же! С радостью.

Он не знал Ведомственного в лицо, но догадывался, что в таком месте посторонний не посмел бы приблизиться ни к нему, ни к делегации. Спросить об этом человеке было не у кого, но Гулякин присмотрелся к его повадкам и как относится к нему охрана в штатском, и безошибочно угадал, какую роль здесь играет этот высокий, крепкий лысеющий мужчина со свинцовым взглядом и тяжелой челюстью.

Переговоры между премьером небольшой, но исключительно важной европейской страны, на счетах банков которой находилось такое количество денег, которые не могло бы уместиться не только в сейфах, но даже и в головах их владельцев, и председателем советского правительства шли параллельно с пересудами, которыми были заняты журналисты, преисполненные творческого любопытства, дипломаты, для которых любопытство – грех, и чекисты, для которых любопытство – профессия.

Но ничего «любопытного» в переговорах премьера и председателя не было, потому что премьер был уже информирован со стороны дружественного ЦРУ о том, что этот одутловатый тип «не жилец». Председатель же не имел никаких полномочий от своего окружения что-либо обсуждать с премьером этой хоть и очень важной, но очень уж маленькой европейской державы. Визит был необходим для демонстрации устойчивости власти правительства в Советском Союзе, а эта маленькая, но важная страна была избрана потому, что в ней послом с недавних пор значился Зеломудров, который опирался на самых серьезных партнеров в СССР. Предстоящий путч обязывал заручиться поддержкой не только тех, кто уже вложил свою голову в общий мешок (им и так уже деваться было некуда!), но и тех, кто свою голову берег и никуда вкладывать ее не собирался. Можно себе представить раздражение председателя оттого, что Зеломудров не только не приехал встретить его в аэропорт, но и не пожаловал на первый и единственный раут переговоров с местным премьером. Визит был провален! Внутренние враги добивались именно этого и, надо признаться, преуспели, мерзавцы!

Тем временем, в пивном пабе поблизости от правительственного учреждения, где сидели переговорщики, в темном уютном углу, на деревянной, отполированной сотнями задов скамье сидели полковник Ведомственный и подполковник Гулякин. На столе перед ними высились две литровые пивные кружки и восемь пустых водочных рюмок.

– Эх, Леша! – пьяно панибратствовал Владимир Викторович Ведомственный, похлопывая Гулякина по плечу. – Не знаешь ты своего счастья, брат!

– А в чем оно, мое счастье? – настороженно удивлялся захмелевший Алексей Аркадьевич, пока не сообразивший, как ему относиться к коллеге: почтительно или свысока.

– Во дает! – усмехался полковник. – В друзьях твое счастье! А друзей у тебя тьма! Вот я, например!

Полковник Ведомственный приосанился и гордо похлопал себя обеими ладонями по широкой груди.

– Ты? – удивился Алексей Аркадьевич.

– Я! – обиделся Ведомственный. – А как же! Мне о тебе, знаешь, какие люди говорили!

Он стал театрально вертеть головой по сторонам, показывая, что не смеет назвать имена столь высоких своих собеседников в таком ненадежном месте. Не заметив вокруг ничего подозрительного, он сильно, будто даже с обидой, засопел носом и продолжил:

– Ну, это неважно. Главное – это ты! Вот такой, какой есть! Разведчик, дипломат, умница, семьянин, свой парень, надежный, отчаянно смелый, честный, как... как... настоящий чекист-дзержинец. Бессребреник! Альтруист! Душа нараспашку, в хорошем смысле этого слова! Герой! Человек-пароход, можно сказать!

– Почему пароход? – изумился Гулякин, для которого всё, что было сказано до этого странного сравнения, никаких сомнений и тем более протеста не вызывало.

– Пароход? – удивился сам себе Ведомственный. – Я сказал: «пароход»?

– Да! Ты сказал: «пароход»! – заводился Гулякин.

– Так это... – растерялся полковник, – потому что товарищ Нетте был человеком-пароходом. У него «курок аж палец свел... суньтесь кому охота!» Тоже чекист, дипломат почти, дипкурьер... и того... герой!

– А! – обрадовался Гулякин. – Так то ж Маяковский! «Товарищу Нетте, пароходу и человеку». Тогда понятно.

– Вот, Леха! – расходился во всю свою добросердечную, загадочную для европейцев национальную ширь порядком охмелевший Ведомственный. – За то и любим! И ценим! Ты только скажи, и мы кому хошь башку открутим за тебя и за твоего глубокоуважаемого дядьку! За Лаврентия Павловича... тьфу ты, черт! За Артема Лаврентьевича! За родного, можно сказать, человека! Роднее не бывает!

Полковник резко отвернулся и будто смахнул кулаком слезу с глаз. Этим же кулаком он неожиданно грохнул по столу так, что одновременно подпрыгнули обе кружки, расплескав пену, Гулякин и два серых господина в штатском, которые зашли в паб сразу после обоих чекистов, и теперь сидели в стороночке, не спуская с них своих немигающих глаз.

– Ты чего? – испугался Гулякин, – Это же заграница, понимаешь! Нельзя тут! Кулаком нельзя! Вон, гляди, приличные люди оглядываются даже.

Два серых «приличных человека» оглядывались потому, что не знали, как себя вести с этими клиентами. Им было сказано – не спускать глаз! Они и не спускали! Но никто не говорил, что в ближайшей к правительственному зданию пивной может возникнуть скандал, и что русские прямо здесь перессорятся и передерутся. А уж то, что может перепасть им самим, так такого не было ни в рабочем контракте, ни в профсоюзном договоре, да и вообще нигде – ни в своем ведомстве, ни в ведомстве партнеров по военно-политическому блоку. Более всего их настораживали налитые кровью бычьих глаза высокого, крепкого мужчины и его напряженные мышцы рук и плечей. Производили серьезное впечатление и два тяжелых кулака, постоянно

упиравшиеся во что-нибудь твердое – в стол, в лавку, в собственные колени. Беспокоила и скорость, с которой оба русских уничтожали без всякой закуски водку и запивали ее литровыми кружками пива. На их месте любой европеец уже свалился бы под лавку, а эти, напротив, словно деревенели, наливались тупой, бездушной силой. Причем, более всех «деревенел и наливался» высокий мужчина. Тот, что был ниже и худее, при более внимательном рассмотрении лишь превращался в сухую, закрученную узлом веревку. Сама по себе эта «веревка» никакой опасности не представляла, но, обвитая вокруг чьей-нибудь шеи, могла сыграть самую роковую роль. Именно такие острые и непривычные для двух «серых европейских личностей» ощущения вызывала пара пьяных русских мужчин. Мысль о том, что, по сути, это их восточно-европейские коллеги, пугала уже не на шутку.

– Тут люди, в основном, приличные! Понимаешь? – пьяно настаивал Гулякин. – Они нас не поймут, Володя! Владимир Викторович...

– Кто приличный? – повернул голову по-орлиному яростно полковник Ведомственный в сторону двух недоумевающих европейцев. – Эти? Хочешь, я их мигом отсюда налажу? Я щ-щ-щ эту «чухонскую» пивную всю разнесу! По камешку! За тебя, брат! За дядьку твоего! За родину! За Сталина! Ура!

И, не дождавшись согласия обомлевшего Гулякина, полковник уперся кулаками в стол, тяжело приподнялся и гаркнул во всю глотку:

– Чего уставились, чухня европейская? Отверни рыло, гад! Не видишь, какие тут люди встретились? Боевые друзья, можно сказать! Отверни рыло, говорю!

Ведомственный попытался вскочить на ноги, но Гулякин всем телом повис на его правой руке. Полковник с раздражением стряхнул было с себя на лавку того, за кого только что намеривался разнести весь этот «чухонский» паб, но вовремя спохватился и бережно, как женщину или ребенка, обнял Гулякина и даже погладил своей огромной лапой по взмокшей голове. Тем не менее, он не забыл бросить грозный взгляд в сторону двух посетителей, из-за которых чуть было не досталось близкому другу, но их уже и след простыл.

– В Москве готовится большое дело! – вдруг серьезно и доверительно зашептал Ведомственный в ухо Гулякину.

Алексей Аркадьевич пьяно кивнул, но в голове пронеслось на удивление трезвое и холодное: «надо слушать и запоминать, дядьке это будет интересно».

– Врешь! – тоном старого провокатора воскликнул Гулякин и сам удивился, до какой степени это стало противно даже ему.

– Я вру? – начал свирепеть полковник. – Ты кому это говоришь, мышь посольская?

Ведомственный совершенно забыл, что перед ним отчаянно смелый, с «душой нараспашку в хорошем смысле этого слова» близкий друг, и схватил того за тонкую шею.

– Я мышь? – сопротивлялся Гулякин.

– Да ты ж пойми! – смягчился полковник. – Пойми, чудак-человек! В руководство пробрался враг! Масон! Под чью дудку пляшет, гадина лысая! Но в ЧК знают! В ЧК не спят!

Полковник обнял Гулякина и жарко зашептал ему в ухо:

– Твой дядька молодец! У него всё в руках! Только свистнет, и мы им головенки-то откроем! И ставропольским, и свердловским! Всем разом!

Он опять сжал затылок Гулякина своей лапой, и Алексей Аркадьевич тихонько пискнул. Ведомственный ослабил хватку, улыбнулся другу и с медвежьей нежностью обхватил его за плечи.

– Ты мне друг, Леха! – неожиданно плаксиво сказал он. – За тебя, за дядьку твоего, за нашу родную советскую власть мы, знаешь, как! «Сигма» готова хоть сейчас! Там наших ребят, у-у-у, полно! Все – наши! От дерьмократов и жидо-масонов одни сопли останутся!

Когда друзья вышли в обнимку из паба и, раскачиваясь, подошли к правительственному зданию, обнаружилось, что эскорт с председателем уже час как уехал в резиденцию посла.

Это, презрительно щуря нос и глядя в сторону, сказал Гулякину высокий худой полицейский у входа.

– Ну, влетит мне! – вдруг протрезвел полковник Ведомственный. – Вот так всегда! Не дают с боевым другом, с однополчанином, понимаешь, чарку-другую пропустить. Надо догонять своих! Ищут, небось, гады!

– Надо! – закивал Гулякин и споткнулся.

В стороне стояли три машины, полные людей в штатском, и два полицейских автомобиля. Но оттуда никто не выходил. Невидимое для посторонних напряжение на улице поднималось к своему апогею, как температура у больного. Но обстановку неожиданно разрядил таксист в ярко-желтом «Пежо»-универсале. Он остановился рядом с нетвердо стоящей на ногах парой и бросил привычно:

– Такси?

– Такси, такси! – обрадовался Ведомственный. – Молодец, чухонец! Давай! Вперед!

Он смело распахнул заднюю дверь и втолкнул в салон Гулякина, после чего, сопя и чертыхаясь, полез за ним следом.

– В русское посольство, брат! – решительно приказал Ведомственный. – И быстро!

– Бистро! Бистро! – рассмеялся таксист, узнав слово и угадав, кто по национальности его пассажиры. – Посольство! Oui! Посольство! Ambassade!

Глава 10

Оперативная информация о том, что в ближайшем к правительственной резиденции пабе в столице маленькой страны по соседству с Францией состоялся какой-то очень горячий разговор между начальником охраны председателя советского правительства полковником Ведомственным и сотрудником советской же резидентуры подполковником Гулякиным, пришла в Париж к генерал-лейтенанту Сергееву уже через полчаса после того, как такси доставило в посольство СССР двух дремлющих на заднем сиденье сотрудников. Аудиозаписи, к сожалению, не было, так как служба наблюдения не была готова к такому скорому контакту между русскими коллегами.

– Они там здорово повздорили, – комментировал Сергееву эту встречу его давний друг и коллега из местной спецслужбы мсье Симон де Базилье. – Похоже, обсуждали что-то очень и очень ваше, московское. Удалось услышать лишь несколько фраз о том, что кто-то только свистнет и кому-то сразу голову открутят, причем почему-то назывались регионы – Ставрополь и Свердловск. И еще что-то про какого-то важного дядьку, не то Лаврентия, не то Артема.

Сергееву этого вполне было достаточно для понимания момента. Он доверял Симону, потому что тот был особенно заинтересован в «режиме стабильности» в Советской России, так как они оба, Сергеев и де Базилье, занимались с некоторых пор поставками дорогостоящего вина в русские рестораны. Бизнес только начинался и обещал много приятных моментов. Предстояло серьезное расширение, и поэтому Симон де Базилье был более чем откровенен с противником, то есть с советским резидентом.

– Это всё, что ваши слышали?

– Ну, видишь ли, – замялся Симон, – ведь это не совсем, так сказать, «наши». Скорее, партнеры ближайших соседей, но мы действительно уже очень давно не только говорим на одном языке, но и думаем на одном и том же наречии. И все же, Андрэ, их служба вполне самостоятельна. Мне приходится содержать внутри нее своих агентов. А это очень дорого! Хотя иной раз и оправдывает себя, как, например, сейчас. Однако если об этом узнает общество, то с меня спустят три шкуры!

– Это за что же?

– За необоснованную трату денег налогоплательщиков! Вот за что! Разве не понятно?

Сергеев пожал плечами и насмешливо огляделся, словно искал в ресторанчике, в котором сидели оба разведчика, тех самых недовольных налогоплательщиков. Но, судя по лицам посетителей, таковых здесь не было.

– Не понятно, мой друг! – заключил свой визуальный осмотр окружения русский генерал. – У вас слишком много условностей, что мешает не только вам, но и этим самым налогоплательщикам.

– А у вас разве не так?

Сергеев отрицательно покачал головой и отпил глоток белого сухого вина от своего фужера. Он причмокнул и удовлетворенно закатил глаза.

– Вино замечательное! В меню оно значится как домашнее из местности Бордо. И только! Какой-то там дом... Не разобрал! А какой вкус! Букет!

– Наше не хуже, Андрэ! – обиделся за свое собственное производство Симон.

– Не хуже! Это верно! Кстати, за наше платят и ваши налогоплательщики, и наши. Но мы ведь им не рассказываем, из чего оно делается, как мы давим виноград, как сортируем, сколько и чего добавляем в сусло. Разве от этого кто-то страдает? Разве вино становится хуже оттого, что мы держим втайне весь технологический процесс?

– Я понимаю, куда ты клонишь, но это другое дело. Это – бизнес!

– Симон, не смей меня! Ты хочешь сказать, что политика – не бизнес?

Француз, не найдя, что возразить, развел руками.

– То-то и оно, мой французский друг! – засмеялся Сергеев. – Бизнес – это всё, что приносит деньги. А более всего их приносит как раз политика! Так что не бери в голову, как говорят у нас, то, что в голове не укладывается. Давай лучше о деле.

– Ты меня не убедил, но мне нечего возразить.

– Правильно! Потому что это аксиома! Истина, не требующая доказательств.

– Как существование Бога? – усмехнулся Симон.

– Как существование Бога, – кивнул советский генерал. – Если тебе это понятнее, пусть будет так.

Сергеев опять огляделся, на этот раз желая убедиться, что никто не наблюдает за ним и его французским коллегой, и продолжил:

– За этим Гулякиным нужен глаз да глаз. Похоже, на него кое-кто делает ставку.

– Это плохо?

– Да видишь ли, мой друг, мы тут с ним немного, как бы это сказать, разошлись во взглядах в свое время. Собственно, тебе это хорошо известно.

– Он дурак! Несомненно!

– А вот и нет! Это как раз очень сомнительно! Дурака бы уже давно вышвырнули вон, а этот не только держится, но и растет в цене, как видишь! Так что Алексей Аркадьевич – человек не последнего десятка. Есть такая категория людей в СССР: глупость и ум не являются для них определяющей характеристикой. Хитры, беспринципны, нос держат по ветру. Разве этого мало? Кстати, слова о Лаврентии или, как ты сказал, Артеме тоже кое-чего стоят. Артем Лаврентьевич Бероев – всесильный заместитель председателя моего ведомства, его родненький дядюшка.

– Ого! Ты об этом раньше не говорил! – воскликнул де Базилье и даже немного покраснел.

– Не говорил потому, что тогда это не имело такого значения, как сейчас, Симон. Даже наоборот! Мой непосредственный шеф был противником этого дядюшки. Но, судя по тому, что сейчас готовится в СССР, они перебрались в один лагерь. Во всяком случае, рано или поздно окажутся по одну сторону. Поэтому я и ставлю тебя в известность о родственных связях Гулякина.

– Это меняет дело! – решительно закивал де Базилье.

– Именно! К нему надо прилипнуть и не спускать с него глаз. У тебя есть достойные люди?

– Конечно! Клод Монэ подойдет?

– Тот самый буль-терьер, который чуть не вцепился тогда нам в задницу?

– Он самый.

– А как же! Отправляй его к соседям, пусть сойдется с Гулякиным.

– Хорошо. Едет завтра же! Нет! Сегодня вечером! – решил де Базилье. – А этот начальник охраны... как его... Ведомственный... эти ваши русские фамилии...

– Ведомственный как раз законченный болван! Я его помню еще по Москве. Мы вместе проходили курс в одном учебном заведении. Его отчислили за неспособность усвоить иностранный язык.

– Кто же его держит? Все-таки начальник охраны председателя правительства!

– Это тоже аргумент для анамнеза нашей нынешней политики, Симон. Таких, как этот пьяница, намертво приварили к власти люди наподобие дядьки нашего Гулякина. В системе мне знакомы шестеро человек с фамилией Ведомственный. Самый младший из них в звании майора. До этого чина Ведомственные растут быстро, как грибы в летний дождь, а дальше их сортируют по мере необходимости. Есть даже один генерал в интендантской службе. Все они выходцы из одного и того же инкубатора. Их расставляют там, где это нужно. Например,

этот Владимир Викторович направлен к председателю правительства, который сам-то дышит на ладан. Такое назначение не случайно, я бы сказал – оно даже «знаковое». Ты понимаешь, о чем я?

– О, Андрэ! Ваши спецслужбы куда более изощрены в своих приемах, чем тут у нас предполагают! У вас надо поучиться!

– Учитесь! Кто же вам мешает? Кстати, о повышении квалификации французских спецслужб: под каким соусом ты отправишь к Гулякину своего Клода Монэ? Они ведь встречались в Париже во время того скандала... прошлогоднего.

– Я это помню, мой друг. И даже помню, что Гулякин подбивал клинья, как у вас говорят, к мадемуазель Жозефине Рабле, а Клод увел ее у него из-под носа.

– Это усложняет обстановку, Симон. Может быть, есть смысл подобрать другого человека?

– Напротив, Андрэ! Случайная встреча двух соперников, выяснение отношений между ними, отступление со своих позиций моего Монэ – разве это не основа для долгой и верной мужской дружбы?!

– Пожалуй! – задумчиво протянул Сергеев и с удивлением посмотрел на Симона. – А ты делаешь успехи! Экзамен на звание старшего прапорщика в нашей системе ты уже сдал на высший балл!

– Всего лишь? – рассмеялся француз. – А здесь я, между прочим, генерал.

– Не обольщайся! – с улыбкой покачал головой Сергеев. – Но у тебя все впереди, Симон! Интрига – наша профессия, и овладеть ею значит получить «черный пояс» мастера. Да, мсье де Базилье, тебе ведь известно, как переводится твоя фамилия на русский язык? Я тебе это уже говорил когда-то.

– О, я помню. Васильев.

– Именно. Васильев. Старший прапорщик Васильев... или генерал Симон де Базилье.

Симон де Базилье рассмеялся и приподнял бокал с вином, приглашая Сергеева поддержать его.

Вечером того же дня между Клодом Монэ и де Базилье состоялся длинный и важный разговор. Клода не удивило новое задание. Поздно вечером он уже занял место в купе поезда на Восточном вокзале и глядел в окно, за которым ходили усталые лоточные торговцы газетами, журналами, сигаретами, зажигалками, разовыми зубными щетками и бритвами.

Клод Монэ незаметно для себя задремал и очнулся лишь в тот момент, когда мягко трянуло вагон, звякнула сцепка и вокзальная платформа поплыла назад.

А тем временем из Парижа в Москву, прячась за ряды, казалось бы, бессмысленных знаков и цифр, скользнула шифрованная телефонограмма:

«Совершенно секретно. Генерал-полковнику Багдасарову К.Л., (лично)

Во исполнение вашего указания нами включен механизм воздействия на специальные службы Французской республики, направленный на формирование поддержки внутренней политики СССР. Статистические данные о встречах оперативного состава со своей агентурой будут доложены позже справкой от имени моего заместителя полковника Власина. Справка поступит одновременно с планом оперативно-агентурных мероприятий в двух требуемых вариантах, о которых вам известно. Первый вариант поступит по настоящему каналу, а второй – по запасному, параметры которого вам будут сообщены дополнительно.

Также сообщаю, что мною проведена встреча с „агентом влияния“, работающим под псевдонимом „Васильев“. В соответствии с упомянутым выше планом мероприятий ему дано задание организовать систему наблюдения за некоторыми политическими фигурами Франции и известной

вам ближайшей к ней стране с целью оперативного изучения их отношения к возможным переменам в СССР. Перед „Васильевым“ также поставлена конкретная задача получить информацию о степени влияния некоторых действующих офицеров нашей службы (в соседней стране) на политический процесс, происходящий в Западной и Центральной Европе. По результатам этой части операции можно будет судить о необходимости увеличить оперативный состав в указанном выше регионе.

С этой же целью в упомянутое соседнее государство направлен сотрудник, подчиненный агенту „Васильеву“, который значится в нашей зональной информационной системе под псевдонимом „Художник“. Как вам известно, агент „Художник“ официально является офицером французской спецслужбы и обладает широкими полномочиями на территории Западной Европы. Маршрут и легенда агента „Художник“ детально разработаны совместно с агентом „Васильевым“ на последней встрече. Контроль возложен на агента „Васильева“.

*С искренним уважением,
Генерал-лейтенант А.С. Сергеев*

Экземпляр единственный
Исполнитель – Сергеев»

Шифрограмма была получена генерал-полковником Багдасаровым ровно через четыре минуты после ее получения его личным шифровальщиком и легла в папку с наисекретнейшим грифом, в которой уже скопилось два десятка похожих текстов. На обложке было написано: «Операция „Красный скорпион“».

Получалось, что огромный кумачовый паук расплевал свою липкую сеть по всей Западной и Центральной Европе и, протянув к ее ячейкам сигнальную нить, ждал, когда туда, в роковую ловушку, угодят большие черные мухи.

Багдасаров, задумчиво поглаживая обложку папки, думал о том, что паук больше напоминает ему скорпиона, который по неведомой науке причине всегда готов нанести ядовитым хвостом удар в собственную голову и убить свое же жирное, ленивое тело. Именно поэтому он и присвоил операции такое название. Багдасаров тяжело вздохнул и поднял трубку прямой связи с председателем ведомства Крюковым.

– Всеволод Михайлович! – сказал он негромко. – Ваше распоряжение почти выполнено. Во всяком случае, из наших европейских подразделений уже поступили сообщения о подготовке «операции влияния» под кодовым названием «Красный Скорпион». Должен сказать, особенную активность проявляет генерал-лейтенант Сергеев. Два его агента работают необыкновенно эффективно...

– Что? – с раздражением бросил генерал армии Крюков. – Это вы о ком, Карен Левонич? Опять Сергеев! В прошлом, как мне помнится, этот человек развил такую кипучую деятельность в Париже, что мы тут чуть было умом не двинулись! «Спалили» агентурную сеть и чуть было не вызвали международный скандал. Помнится, какой-то идиот по кличке «Бальзак» и какая-то шлюха «Мата Хари» едва не разнесли целый парижский квартал. Надеюсь, на этот раз суета ваших людей в Париже этим не кончится?

Багдасаров закусил губу и, стараясь сохранять ровный голос, ответил:

– Вы, как обычно, абсолютно правы, Всеволод Михайлович! Все приблизительно так и было. Правда, с некоторыми нюансами, которые, боюсь, и сейчас имеют значение. То есть присутствуют и ныне.

– Вот как! – голос Крюкова дал «петуха». – Что вы имеете в виду?

– В деле тогда принял участие некий товарищ Гулякин, Алексей Аркадьевич, – вкравчиво, но в то же время несколько отстраненно, начал Багдасаров. – Возможно, вам известно это имя?

– Гулякин? – удивился Крюков. – Ах, Гулякин! Ну, да! Вы имеете в виду...

– Именно! Его самого, – продолжил Багдасаров, развивая наступление. – Принимая во внимание некоторые подробности его, как бы мягче выразиться, происхождения, я не посчитал возможным так же, как и генерал Сергеев, вывести товарища Гулякина из операции. Понимаете?

– М-да. Понимаю, – протянул Крюков, вспомнив, что Гулякин был племянником его заместителя, генерал-полковника Бероева. – Ну и что дальше?

– Да вот, этот самый товарищ, с позволения сказать, и наделал тогда больше всего шума. Сейчас он в соседней стране и, похоже, и там ведет себя не совсем адекватно обстоятельствам. Во всяком случае, мне стало известно, что во время визита председателя правительства он вместе с полковником Ведомственным...

– Это еще кто? Какой из Ведомственных?

– Ну, начальник охраны председателя... из этих...

– И что же?

– Словом, они упустили кортеж, напились в каком-то пабе и их чуть живыми привез таксист в посольство.

– Откуда такие сведения, черт побери?

– У нас везде свои верные люди, Всеволод Михайлович! – даже обиделся Багдасаров. – Ваше же требование! Это зафиксировано и задокументировано.

– Не раздувайте из мухи слона, Карен Левонович, – несколько смущенно вступился за Гулякина с Ведомственным Крюков. – С кем не бывает!

– Я ничего не раздуваю, Всеволод Михайлович! Боже упаси! Просто вы вспомнили о некоторых неприятностях в прошлом, и я посчитал необходимым, так сказать, предупредить.

– Ладно, ладно! – заворчал старик. – Считайте, предупредили. Что у вас еще?

– Собственно, больше ничего. Планы по нашим зарубежным точкам представлю в ближайшее время. По одному плану от каждой точки.

– А я вот слышал, – захихикал старик, – вы там по два от каждой делаете? Как видите, не только у вас кругом свои люди!

– Наваety! Интриги! – покраснел Багдасаров и выпрямился в кресле. – Какие еще два плана? Один! Единственно возможный!

– Ну-ну! – хмыкнул Крюков. – Желаю успеха! Теперь у вас, надеюсь, всё?

Багдасаров положил трубку на рычаг и неслышно выругался. Информация начинала просачиваться к «старикам» слишком рано. Похоже, это дело рук Бероева. У него своя контрразведка абсолютно везде. Свои стукачи. Надо бы с ним встретиться в самое скорое время и всё обсудить. Время не ждет!

Глава 11

Глядя в иллюминатор самолета, мальчики видели сквозь неожиданный для них дождь размытые очертания аэропорта имени Шарля де Голля.

– Ну, вот! – скучно каниючил Гаврик. – Вечная невезуха! Накрылись наши яхты медным тазом!

– Ты о чем? – оторвался от своих мыслей Максим и недовольно взглянул на младшего брата.

– Да ты посмотри, какая погода! Льет как из ведра! – возмутился Гаврик. – Все лето, наверное, таким будет! Ну и Франция! Тоже мне Европа!

– Нет, Гавр! Таким лето не будет! – авторитетно покачал головой Максим.

– А каким? – надежда блеснула в глазах мальчика. – Ну, каким же?

– Снег, ветер, лед! Вот каким! – ухмыльнулся Максим. – Всё пропало! Ты что же, не слышал об озоновых дырах? Чудак! Над Францией обнаружена самая большая из них. Вот через нее всё и льет, а потом снег повалит. Так что в местные порты смогут заходить только ледоколы. Надо было лыжи с коньками с собой брать, и шубы, а ты вон тащишь, как дурак, маску с ластами и шорт пионерских аж пять пар. Над тобой вся Франция будет теперь ржать!

– Какой же ты идиот, Макс! – покраснел Гаврик. – Прямо не верится, что нас одни и те же родители родили!

– Конечно! Ты от пингвинов произошел. От тебя эту горькую правду скрыли при рождении. Знаешь, есть такие толстые пингвины – глупые и смешные. Так это и есть твои родители и братья с сестрами, Гавр!

В этот момент нежный женский голос, наконец, объявил в динамик, что пассажиров приглашают к выходу из лайнера. Словно по команде того же голоса за иллюминатором вдруг показалось яркое летнее солнце, и свет от его лучей заплескался в капельках немедленно прекратившегося дождя.

– Не хнычь, пингвин! – засмеялся Макс. – Ледниковый период перенесен на три тысячи лет по просьбе уважаемой публики! Будет тебе яхта и облупившаяся кожа на твоём дурацком клюве. Вперед, к тем, кто выдает себя за твоих родителей! Из жалости, конечно, к братьям нашим меньшим!

– Дурак! – уже спокойно констатировал Гаврик и поднялся с кресла.

– Тебя никто не просил представляться, – продолжал язвить Макс и грубо вытолкнул Гаврика в проход между креслами.

Гаврик громко жаловался родителям, пока они все вчетвером шли через зал к выходу из аэропорта:

– Макс меня все время унижает! И вас тоже! Он назвал вас пингвинами!

– Кем? – воскликнул Александр Васильевич. – Макс, в чем дело?

– Этот стукач нагло врет! – ответил Максим и остановился. – Пингином я назвал его одного, а он заключил, что коли он пингвин, то и вы, стало быть...

– Выпорю обоих! – незлобно прервал сына Власин-старший, поставил на пол две дорожные сумки и быстро и ловко хлопнул сыновей по затылкам.

– Я уступаю «торжественную порку» младшему брату, как уступаю ему всё в нашей с ним совместной мучительной жизни! Его жирные, розовые ягодицы с трепетом ждут отцовского ремня. Двоечник, которому лишь из жалости ставят тройки в школе, праздный фантазер и мерзкая ябеда! Вот кого вы родили, а я воспитал.

– Мальчики! – возмутилась Анна Гавриловна. – Вы меня расстраиваете! Разве можно так относиться друг к другу? Ведь вы самые родные, самые близкие люди!

– Мама! – грустно закивал Максим. – Я всегда считал Гавра другом человека! И даже готов признать его братом, но истина не может так долго скрываться за той же самой жалостью. Пусть это даже гуманно, с точки зрения нас, людей. . .

– Всё! – рассердился наконец Власин-старший. – Заткнулись оба! Я тебе говорил, Анечка, поздние дети всегда рождаются идиотами.

– Самые поздние особенно, – не унимался Максим и со смехом покосился на почти плачущего Гаврика.

– Боже мой! – всплеснула руками Анна Гавриловна. – Какое мучение быть единственной женщиной в этой казарме!

В машине Гаврик с обидой молчал и смотрел в окно. Но постепенно вид беззаботного, веселого Парижа выжал из его памяти последний разговор, и он, упираясь носом в стекло, чему-то начал слабо, мечтательно улыбаться. Максим незаметно заглянул ему в лицо и вдруг нежно обнял за плечи.

– Ты чего? – испуганно отстранился младший брат.

– Ничего, Гавр! Я пошутил! – шепнул ему Максим. – Ты не пингвин.

Гаврик заметно засмутился и благодарно улыбнулся, в то же время немало удивляясь тому, что брат первый сделал шаг к примирению. Его обычная настороженность в общении со старшим братом сменилась неосмотрительной доверчивостью. Расплата пришла незамедлительно.

– Ты просто толстый, жалкий кролик, и родители твои – старые несчастные зайцы! – вздохнув, закончил Максим.

Гаврик, задыхнувшись от возмущения, резко оттолкнул руку брата и уже без всякой улыбки вновь уставился в окно. Анна Гавриловна обернулась с переднего пассажирского кресла и, удручающе глядя на Максима, покачала головой.

Она ожидала, что сыновья в этом году приедут в Париж, потому что собиралась провести с ними лето в России, на старой даче родителей в Орловской губернии, на излучине небольшой мелкой речушки. Там было так скучно и так тихо, что только в тех местах Анна Гавриловна с трепетом ощущала скрывающуюся от прошлой и нынешней власти домотканую патриархальность своей родины. Ей всегда казалось, что именно в таких, забытых людьми, но не Богом, местах хоронилась от никчемной революционной суеты печальная и добрая русская душа, которую не трогали, не беспокоили здесь лишь потому, что в этих местах и революционному бунту самому было тоскливо. Анна Гавриловна до слез любила эту тишину, эту скуку, эту «бунинскую вечность».

После «кроличьего обеда» Власин пришел домой раньше обычного, вывел жену из дома и долго шел молча впереди нее к набережной. Она, не понимая, что происходит, и думая над тем, что сейчас, видимо, наступит наказание за то, что она разоткровенничалась с отцом Василием и это стало известно мужу, похолодела. Александр Васильевич подошел почти к самой воде и сел на каменную ступеньку, ведущую к старой средневековой лодочной пристани. Он поднял глаза на остановившуюся в нерешительности рядом жену и указал ей глазами на место рядом с собой. Анна Гавриловна несмело села на темную каменную ступень, позабыв от волнения, что на ней широкая кремовая юбка, которая теперь определенно изменит цвет на самом неподходящем и неловком для этого месте.

– Надо вызывать сыновей сюда, – тихо сказал Власин, глядя на тихую, темную воду.

– Зачем? – вырвалось у Анны Гавриловны. – Мы же собирались домой, в отпуск. . .

– Планы изменились, Аня, – так же тихо, как и прежде, ответил муж. – Думаю, это лето следует провести здесь, всем вместе. Понимаешь?

– Не понимаю, – вдруг вспыхнула Анна Гавриловна. – Ничего не понимаю!

– Мы уже говорили об этом, – тверже продолжил Александр Васильевич. – В Москве готовится что-то очень странное. Очень! Может так получиться, что придется выбирать, где

жить дальше. Но дети, которые находятся сейчас дома, связывают нас по рукам и ногам. То есть не оставляют нам выбора! Теперь ты понимаешь?

Анна Гавриловна опустила глаза и молча кивнула.

И вот теперь, когда все четверо ехали в машине, она вдруг успокоилась и подумала, что ей жаль лишь той забытой всеми «бунинской вечности», а всё остальное можно будет сохранить рядом с собой. Она с нежностью посмотрела на Александра Васильевича и неожиданно погладила его ладонью по щеке. Власин, не отрывая глаз от дороги, а рук от руля, покосился на жену и чуть заметно скривил губы в улыбке. Он будто услышал ее мысли и принял благодарность.

«Если все будет так, как видится теперь, то у нас не останется ни малейшего шанса сохранить то, что добывалось Сашей так долго и трудно – от той фантастической рыбалки в Оби до тихих вод Сены», – думала Анна Гавриловна, глядя на суетившиеся впереди тормозные огни парижских автомобилей. Она еще не знала, что будет делать, как поступать в связи с приближающимися с пугающей неотвратимостью изменениями в их жизни, но уже старательно крепилась, сжимала кулачки и губы.

– Папа! – услышала она за спиной голос Гаврика. – Мы поедем на океан? Там яхты...

– Гаврик, – опередила мужа с ответом Анна Гавриловна, – папа за рулем... движение в Париже сложное. Ты же видишь, пробки! Оставь этот разговор, пожалуйста, на более позднее время.

– Но он же обещал! – заныл Гаврик.

– Я никому ничего не обещал, – твердо сказал Александр Васильевич. – Посмотрим по обстоятельствам.

Он был почти убежден, что не сумеет сейчас вырваться в отпуск и тем более моря, океана не увидеть ни ему, ни жене, ни детям в этом году. Александр Васильевич не мог и предположить в этот момент, что те самые обстоятельства, на которые он только что ссылался «посмотреть», как раз и вытолкнут его и всю семью из дома и приведут однажды к океану.

Глава 12

Приблизительно в этот же час в единственном аэропорту соседней с Францией маленькой страны сел белый советский авиалайнер, одной из пассажиров которого была начинающий дипломат, советник Чрезвычайного и Полномочного посла Раиса Ринатовна Давлетбаева. Дождик, который замочил самолет молодых Власиных, под влиянием восточного ветра перекочевал в это небольшое самостоятельное герцогство и решительно пролился на посадочную полосу и на уютное здание аэропорта.

В аэропорту Давлетбаеву, в отличие от председателя правительства, ожидал лично Чрезвычайно и Полномочный Посол Никита Матвеевич Зеломудров с женой Мальвиной Тихоновой. Он не мог противиться настоятельной просьбе самого Артема Лаврентьевича Бероева и поэтому решил на этот раз уступить чужим амбициям.

В руках посол держал изящный букетик, собранный цветочницей из альпийских дикорастущих цветов.

Ни Зеломудров, ни Мальвина Тихоновна не знали, как выглядит Раиса Давлетбаева, но это нисколько не беспокоило Никиту Матвеевича, который то ли полагал, что у него в жизни всё происходит так, как следует, независимо от внешних причин, то ли был убежден, что его и сами же к нему подойдут.

Давлетбаева была предупреждена перед отъездом Артемом Лаврентьевичем, что ее будет встречать посол, и, кроме того, она помнила по какому-то совещанию в ЦК много лет назад, что Зеломудров высокий мужчина с породистым спесивым лицом советского номенклатурного небожителя.

Раиса Ринатовна вышла в зал ожидания, катя перед собой тележку с тремя пухлыми чемоданами, объемной дорожной сумкой и пятью пакетами из магазина беспопытной торговли, услугами которого она с радостью, которую не сумела скрыть, воспользовалась в Шереметьево перед отлетом. Эти торговые заведения тогда только-только открылись в международном аэропорту, и вокруг них постоянно нарастал ажиотаж неизбалованных дефицитными товарами советских путешественников.

Давлетбаева, подбирая дрожащими от волнения руками в том магазине бутылки виски, ликеров и коньяка, полновесные стеклянные банки с черной и красной икрой, четыре блока сигарет в глянцевой, натянутой словно тетива, прозрачной обертке, три флакона французских духов, портмоне и две дамские сумочки, еле сдерживала слезы досады. Кто бы знал, как люто она ненавидела в этот момент большевистский режим! Унизительная, мелочная процедура выбора, панически перебежавший с одной полки на другие взгляд, расплата на кассе малоознакомыми зелеными деньгами и даже получение сдачи до последнего, начищенного цента – всё это собралось в душе бывшего педагога Давлетбаевой в один злобный шершавый комок и застряло в горле. В салоне самолета Раиса Ринатовна, пряча глаза от соседей, и, как ей казалось, с видом привыкшего к дорогому импортному товару человека, раскрывала пакет за пакетом и всматривалась в этикетки и в аккуратные, совершенные формы приобретенных ею покупок.

А рядом с ней, в салоне первого класса как раз летел человек, который прекрасно разобрался в этих всех вещах. Он долго наблюдал за тем, как Раиса Ринатовна, облизываясь, изучала товары, как она бережно упаковывала их обратно, и спросил, наконец:

– Впервые в такой поездке?

– Я? – испуганно вскрикнула Давлетбаева. – Ну, можно сказать, нет, но в то же время...

– Да. В то же время – да! – тонко улыбнулся сосед.

Он вальяжно поднял руку и возле них очутилась миловидная стюардесса.

– Виски, пожалуйста. Мне и даме.

– Ой! Я виски не пью. То есть не очень, – вырвалось у Давлетбаевой.

– А зря! Впрочем, это, конечно, мужской напиток. Тогда, может быть, кальвадос? Или абсент?

– Я не знаю, – совершенно упала духом Давлетбаева. Она готова была вылететь от стыда в иллюминатор.

– Может быть, водки? Это привычнее? – продолжал настаивать сосед.

– Нет! Что вы! Водку я не употребляю! Я же не пьяница!

– Пьяница? – усмехнулся мужчина. – А что же, употребляющий водочку непременно пьяница?

– Да что вы! – залепетала Давлетбаева, – Я совсем не то имела в виду. Просто у нас обычно водка... это, как бы сказать...

– Ну, хорошо! – смирился сосед и поднял глаза на стюардессу, которая с явным удовольствием наблюдала за разгромом этой «совковой» глупой тетки. – Что вы улыбаетесь?

– Я? Да нет же! Простите, – покраснела стюардесса и уже готова была исчезнуть, но мужчина ухватила ее за тонкую кисть.

– Бэллиз. Вот что подойдет этой даме! Двойную порцию со льдом.

Он повернулся к Давлетбаевой и тоном исследователя, нашедшего нужный компонент для важного опыта, заключил:

– Ведь вы согласны? Бэллиз – это то, что надо!

– Конечно! – со страхом и в то же время с облегчением выдохнула Раиса Ринатовна и, скрывая смущение, отвернулась к иллюминатору.

Давлетбаева подумала, что она лишь пригубит то, что ей принесут, и допивать не станет, потому что в действительности она любила лишь водку (чего очень стеснялась!) и сладкий клюквенный ликер, который впервые попробовала в Москве в восьмидесятом году на Олимпиаде. Ликер привозили тогда из Финляндии.

Однако бэллиз, тягучий напиток цвета кофе с молоком, сокрушил Раису Ринатовну, как русский мороз когда-то Наполеона – напавал, без всяких шансов забыть это ощущение. Она не заметила, как опорожнила бокал и даже вытянула языком последнюю капельку. Сосед немедленно подозвал ту же стюардессу и многозначительно шелкнул пальцами – перед Давлетбаевой на откидном столике вновь образовался рюмка с ликером.

– Что вы! – пьяно хихикнула Раиса Ринатовна. – Я же так напьюсь и буду дебоширить!

Сосед улыбнулся, и только теперь охмелевшая и осмелевшая Раиса Ринатовна, посмела поднять на него глаза и разглядеть. Это был мужчина за сорок пять, плотный, но не полный, невысокий, но и не маленький, с аккуратно подстриженными, короткими седеющими волосами, худым, холеным лицом с ярко выраженными носогубными складками и с маленькими внимательными серыми глазами. Он заметил, что Давлетбаева его откровенно разглядывает и усмехнулся:

– Не нравлюсь?

– Да что вы! Вы меня не так поняли... просто я...

– Не смущайтесь! Я иногда бываю бестактным. Чувствую это и все равно продолжаю играть. Наверное, от врожденной злобности.

– Злобности?

– Ну, конечно! Человек – злое существо. Только один это скрывает под маской благочестия или даже мудрости, а другой не в состоянии делать даже это. Остальное – это всё модификации зла.

– Почему вы так говорите? – Раиса Ринатовна обрадовалась, что разговор уходит в ту область общения, где она чувствовала себя в своей тарелке. – Человек – это звучит гордо, сказал классик и...

– ...и умер невесть как и невесть почему, – засмеялся сосед. – Зло – это прогрессивное чувство, потому что в его основе принцип естественного отбора, так сказать, природный

рынок. Оно выявляет слабых, неспособных к сопротивлению, и выводит их из оборота. И рынок функционирует нормально, формируя цены на свежий товар. Остальное уходит в канализацию вместе с тем, что «звучит гордо».

– Ну, знаете! – возмутилась Давлетбаева, вдруг почувствовав, что и здесь их силы не равны.

– Знаю! Я-то как раз знаю! Позвольте представиться – Валерий Романович Копенкин. Торговец, а в прошлом ответственный работник центрального органа Ленинского комсомола. Вы не смотрите на мои седины, «комсомольцем», а вернее, функционером в этой славной когорте я был совсем недавно меньше двух лет назад. А кто вы? Впрочем, постойте. Позвольте, я угадаю.

– Попробуйте! – кокетливо выпятила вперед высокую крепкую грудь Раиса Ринатовна и многообещающе блеснула глазами. Она подумала, что ее новая жизнь начинается очень романтично и весело. Копенкин ей нравился с каждым мгновением все больше и больше.

– Вы... вы... учительница... в прошлом, – начал Валерий Романович, внимательно глядя в глаза Давлетбаевой.

Раиса Ринатовна от удивления откинула назад голову и вздрогнула: неужели на ней столь заметна эта жалкая печать советской училки! Только рано пораженный маразмом Ильич мог призывать «поднять народного учителя на такую высоту, на которой тот никогда не стоял в буржуазном обществе». Оно и видно! Вот она – высота! Чуть глаза не лопнули от жадности в Шереметьевском магазине! Напиток, который в «буржуазном обществе» знает каждый двоечник, советский заслуженный учитель не только не пробовал, но даже о нем не слышал. Одна лишь водка! Водка! Водка! Да еще этот вонючий советский портвейн! И на роже всё написано ясно и убедительно: я как раз та, которую «подняли на небывалую высоту».

– Допустим, – сдержанно, но все же с некоторым волнением в голосе произнесла Давлетбаева.

– Нет! Вы не просто учитель. Вы – руководитель! Директор школы! Заслуженный и уважаемый! Так?

– Так, – упавшим голосом ответила Раиса Ринатовна и вдруг спохватилась: – Но с этим уже давно покончено!

– С чем? – рассмеялся Копенкин. – С уважением?

– Нет, я не то имела в виду. Вы не передергивайте! – засмушалась Давлетбаева.

– Конечно, конечно! Я опять злобствую. Но всё же вы член партии, даже, наверное, входите в бюро райкома или обкома, у вас есть трудовые награды. И сейчас вы летите на какое-то европейское совещание в духе нашего времени – перестройка, гласность, плюрализм и тому подобное. Советских теперь любят приглашать в такие места. Это как демонстрация Кинг-Конга.

– Кого? – округлила глаза Давлетбаева. – Какого Пинк-Понка?

– Это не важно, – отмахнулся Валерий Романович. – Не расстраивайтесь!

– Я и не расстраиваюсь! Тем более, что вы ошиблись.

– Вот как! Во всем?

– Ну, не во всем! – кокетливо замялась Раиса Ринатовна.

Она вдруг распахнула глаза и, приблизив лицо к Копенкину, со значением произнесла:

– Я дипломат. Советник Чрезвычайного и Полномочного посла Никиты Матвеевича Зеломудрова! Но раньше я действительно была директором специнтерната.

– Это для таких? – пораженный услышанным, Копенкин испуганно pokrutil пальцем у виска.

– Ну, нет! – засмеялась Давлетбаева, обрадованная тем, что сумела вывести из равновесия этого самоуверенного типа. – Не для таких, а вот для таких!

Она сначала повторила жест Копенкина, а потом широко расставила в стороны руки, показывая, сколь солидны и велики те, кто зависел от нее совсем недавно.

– Это особое место для одаренных детей нашей элиты, – закончила Давлетбаева и победно посмотрела на соседа.

– Ах вот оно в чем дело! – закивал он. – Интересно, однако. А с товарищем Зеломудровым мы давно знакомы, между прочим. Еще по комсомольским делам. Он, конечно, старший товарищ и помогал нам, в КМО, в комитете молодежных организаций, но судьба мне милостиво подарила возможность быть с ним, так сказать, на короткой ноге.

– Да что вы говорите, Валерий Романович! – широко заулыбалась Раиса Ринатовна. – Мир поистине мал!

– Это не мир мал, а наши дорожки узкие, – опять взял старый тон Копенки. – А мир-то как раз необъятен! Послушайте, а как вас зовут?

– Раиса Ринатовна. А фамилия наша – Давлетбаевы. Слыхали?

– А как же! – явно соврал Копенкин. – Давайте-ка срочно выпьем за вашу достойную фамилию. Как батюшка?

– Умер.

– Что вы говорите! – встревожился Копенкин. – И давно? Я что-то упустил столь печальное событие! Простите ради всего святого!

– Недавно. Лет двадцать пять назад, – зло блеснула глазами Давлетбаева.

«Он просто врун и дурак! – вдруг подумала она. – Нахватался по верхушкам, выучил меню бара и теперь строит из себя оракула! Батюшка его мой интересуется!»

– Скажите пожалуйста. Такой человек был, – растерянно запричитал Копенкин.

– Ага! Спился он! – продолжала лютовать Раиса Ринатовна. – Пришел как-то с завода, он там слесарем вкалывал, в Горьком это было ипил горькую, так вот, пришел, лег и откинул копыта. Мать от радости чуть сама не померла. Он ведь перед смертью обещал ее поколотить как обычно, если она ему похмелиться не найдет, когда он проснется. И сдох, проклятый! Мать единственный раз небитой после его ежедневной пьянки осталась. А вы, что, Валерий Романович, с батюшкой моим пили?

Копенкин покрылся испариной и побледнел. Он суетливо схватил полупустой стакан с виски и разом опрокинул его в себя.

– Вижу! – заключила Давлетбаева. – Пили с ним. Он вот так же, только водку, проклятую эту... Я ведь вам наврала! Я ее тоже люблю. Но боюсь! А вдруг гены проснутся! Кстати, Давлетбаева я по мужу, тоже покойному, между прочим, а девичья моя фамилия – Хабитова. Только не говорите, что слышали, а то я сейчас разрыдаюсь!

Давлетбаева откинулась в кресле, закатила глаза и подумала, что будь она трезвой, никогда бы не посмела сказать всё это, тем более, приятелю ее нового начальника. Ей вдруг стало неудержимо смешно, и она громко рассмеялась. Рядом тихо, беззвучно, не шевелясь, сидел Копенкин. А за иллюминатором мирно плыли обратно в СССР густые белые облака.

До самой посадки они больше не произнесли ни слова. И не выпили ни капли. Раиса Ринатовна задремала и очнулась, лишь когда самолет мягко тряхнуло на посадочной полосе.

Выкатив телегу со своей поклажей, Давлетбаева остановилась прямо напротив Зеломудрова и Мальвины Тихоновны.

Никита Матвеевич смотрел куда-то поверх ее головы безучастным, скучающим взором. Но Мальвина Тихоновна толкнула его локтем и указала глазами на Давлетбаеву.

– Это она, Никитушка! – громко, на весь зал, шепнула Мальвина. – Училка ваша!

Зеломудров растянул губы в широкой, гостеприимной улыбке, которая для знающих его означала лишь приступ его обычного лицевого тика, и раскрыл объятия:

– Дорогая вы наша Раиса Ринатовна! Как я рад! Вот, позвольте, моя супруга... э-э-э, Мальвина Тихоновна, собственной персоной.

Он хищно оглядел крепкую, ладную фигуру Давлетбаевой и незаметно облизнулся. Но для Мальвины Тихоновны не было ничего более ясного, чем такое поведение мужа – она всегда была настороже.

– Вы к нам надолго? – не к месту спросила она и, оттеснив Никиту Матвеевича, всем своим тяжелым телом надвинулась на Раису Ринатовну.

– Как придется, – смутилась Давлетбаева. – Мы ведь солдаты родины. Простите, не помню, как вас звать?

– Мальвина Тихоновна, – торопливо представил жену Зеломудров. – Мальвиночка, ты бы не торопила гостью с ответом! Сие не всегда зависит от нас, дорогая!

И он многозначительно посмотрел куда-то ввысь, к потолку аэропорта.

– Э-э-э, Никита Матвеевич, дорогой! – послышался со стороны голос Копенкина. – Позвольте вас поприветствовать!

Зеломудров брезгливо скривил губы и посмотрел туда, откуда раздался голос, но, увидев знакомое лицо, вновь расплылся в пароксизме тика.

– Валерий Романович! Боже, как неожиданно! Я и не знал, что вы одним рейсом с товарищ Давлетбаевой!

– И для меня это стало сюрпризом! – подобрался Копенкин и протянул руку Зеломудрову.

Обмениваясь с Копенкиным рукопожатиями, Зеломудров учтиво шаркнул ногой. Мальвина Тихоновна, зная привычки сноба-мужа, поняла, что перед ними важная персона, и тоже, на всякий случай, расшаркалась.

– Я намеревался к вам завтра же, – со значением сказал Копенкин. – Примете?

– А как же, дорогой вы мой! Мне уже звонили и просили... Окажем помощь! Ведь одно дело делаем! – закивал Зеломудров. – А вы где решили остановиться, Валерий Романович?

– В Гранде. Уже заказано.

– Лучший выбор! А какая там кухня!

– Именно!

Копенкин повернул голову в сторону Раисы Ринатовны и шепнул ей:

– А вас с приездом! И простите, пожалуйста, за давешнее! Опростоволосился! Клянусь, не хотел обидеть! Это всё издержки воспитания. То есть, его отсутствие.

Раиса Ринатовна по-царски вскинула голову и повела сверху вниз и обратно одними глазами. Уголки ее рта тронула лукавая улыбка. Ей все же нравился Копенкин – в нем чувствовалась порода, которой не хватало ей самой.

– Мы увидимся? – уже смелее спросил Копенкин. – Я здесь на недельку, по торговым делам.

– Буду рада, – ответила Давлетбаева и отметила про себя, что насторожившаяся было Мальвина Тихоновна несколько смягчилась, поняв, что чувственные флюиды прошли по траектории, не затрагивающие ее мужа а, значит, и ее саму.

Глава 13

Появление Копенкина в Западной Европе было predetermined всем долгим и мучительным процессом исторического шествия Советской власти. Заболевший раком легкого с отчаянием восклицает: «Ах, как чудесно было курить, начиная с юности, почти с детства! И какое теперь несчастье в зрелости!» Ему и в голову не приходит, что не кури он все эти годы, так, возможно, и не болел бы сейчас этим последним недугом. Так и Советская власть – для многих приятная, удушающая слабость, но не будь ее так долго, не случилось бы того, что свело в могилу тело огромного колосса.

Малая раковая клетка, не производящая ничего, кроме смерти, была представлена теперь мировой общественности бывшим комсомольским функционером Валерием Романовичем Копенкиным. Клетка, как известно, имеет свойство размножаться, образуя отвратительную на вид и по последствиям опухоль. Вокруг Копенкина очень быстро образовалась смертоносная колония таких же клеток и опасный тумор дал заметный рост.

Однажды в середине восьмидесят девятого, когда большая часть наших соотечественников устремилась на дачи и на юг страны (за границу тогда еще ездило очень малое количество людей), в опустевшей жаркой Москве, в одном из «темных» домов в ближайшем к Новой площади переулке, рядом с ЦК комсомола собрались «двенадцать разгневанных мужчин». Гневались они на крушение идейных принципов, объединявших и кормивших их.

Как водится, для куража крепко выпили и быстро захмелели. Возглавлял эту вечеринку заговорщиков один из секретарей центрального комитета комсомола, имя которого теперь уже никому ничего не скажет, потому что уже через год его застрелили в подъезде собственного дома и больше о нем никто никогда не вспоминал. Но тогда, летом восьмидесят девятого, он был облечен особыми полномочиями, исходившими от высшего руководства его политического ведомства и от самого генерал-полковника Артема Лаврентьевича Бероева.

Как называли этого человека в среде комсомольского актива, действительно очень трудно вспомнить – не то Леней Королевым, не то Лешей Царевым, не то еще как-то, но доподлинно известно, что в секретной памяти ведомства Бероева он числился под псевдонимом «Князь». Возможно, из-за фамилии (не называть же агента прямо – «Король» или «Царь»! Хотя какая-то конспирация-то должна быть!), а, возможно, из-за того, что этот титул вполне подходил к его заносчивой и независимой манере общаться с нижестоящими товарищами по молодежной организации, основанной на удивительных принципах «демократического централизма».

Князь обвел присутствующих комсомольских функционеров тяжелым взглядом и произнес фразу, которая определила весь дальнейший процесс натурализации «молодежного резерва» в новых, рыночных условиях:

– Комсомол – это золотая кладовая партии!

Хмельные глаза присутствующих не отлипали с этой минуты от разгоряченного лица вождя.

– Партия сказала «надо» – комсомол ответил «есть»! – очень к месту вставил один из главных действующих лиц в КМО СССР Валера Копенкин.

Его за глаза называли «Майором», и мало кто сомневался, что это просто дружеское прозвище.

– «Майор», как обычно, прав! – кивнул Князь.

Он поднялся, прошелся по комнате, взял со стола, с одной из общих тарелок, пучок зелени и запихал его себе в рот. Зеленые веточки и листики исчезали в прорези его губ, будто где-то внутри головы Князя находился механизм по измельчанию всего, что угодит в его безжалостные жернова.

– Выстраиваемся и занимаем позиции, – объявил он так, будто предстояло генеральное сражение.

Выстроились славно: разделились на три главных фланга. Группу «Центр» заняло мощное подразделение, работа которого заключалась в накоплении финансового потенциала, его сохранении и перераспределении. «Левый» фланг достался специалистам в области пропаганды, дезинформации и прикрытия специальных операций. «Правый» фланг – так называемому научно-промышленному сектору.

Князь назначил руководителей правого и левого флангов, в то время как сам, естественно, возглавил «Центр».

Копенкину доверили «правый» фланг, на «левый» временно назначили некоего Мотьку Лескова, комсомольского прохиндея бандитской наружности, прославившегося тем, что, несмотря на все ограничения, сумел открыть в Москве, Ленинграде и Свердловске молодежные ночные клубы и дискотеки, на которых бойко шла торговля легким наркотиком, спиртным и девками. Ему было поручено проникновение на телевидение, радио и в несколько крупных тиражных газет. Забегая вперед (даже очень и очень вперед!), следует признать, что Лесков все это сделал блестяще и добился такого головокружительного успеха, что мир ахнул. Он умудрился сломить сопротивление сотен тысяч человек, занятых в этом производстве, сначала акционировав основные предприятия в области медиабизнеса, а потом сдав их «тепленькими» с рук на руки высоким, поспевшим к тому времени высоким государственным чиновникам за полнейшую индульгенцию своей высокодоходной мошеннической деятельности.

Копенкин хорошо знал Лескова, потому что свои научно-промышленные операции он не мог проводить без «прикрытия» и пропагандистского потенциала «левого» фланга. Увесистая часть прибыли от деятельности «правого» фланга шла в виде премии или, как сейчас принято говорить, «бонуса», в карман Мотьки Лескова.

Однако же и правый фланг Валерия Копенкина развивал наступление не менее бойко и успешно, чем левый, Мотькин. После того совещания, которое возглавил покойный ныне Князь, утекло много воды, а с ней и денег из «центральной» кассы. Первое крупное предприятие, названное кооперативом «Минотавр», очень быстро разрослось, распустило щупальца и наметало столько икры, что вылупившиеся мальки почти за год сожрали весь планктон, находившийся в советской акватории. «Минотавр» занимался скромной, почти невинной деятельностью: развитием научного и лабораторно-опытного потенциала образованной части советской молодежи. Обнищавшие почти сразу после начала перестроечного бума научные институты и исследовательские сектора сдавались без боя вместе со всем своим научным потенциалом, территориями, техникой и материальными ценностями. Они быстро объединялись в кооперативы под названиями, клонирующимися из имени своей матки, и наводнили страну разного рода «Мино-лес», «Мино-нефть», «Мино-газ», «Мино-цветмет», «Мино-военпром», «Мино-технологии», «Мино-банк», «Мино-страх» и прочее. Потом все это стало дробиться, менять названия, лица хозяев, но суть свою сохраняло ревностно.

Во главе этих разного рода «минотавров» ставились проверенные парни или даже порой достаточно зрелые девушки из молодежных организаций, а позже – из ведомства Бероева, в котором тоже нередко служили бывшие комсомольские активисты. Эти, последние, обрушились на новые экономические опухоли, прыщи и наросты наподобие грязевого потока с вершины когда-то сурового, бескомпромиссного идеологического гиганта.

Было ли то явлением «дикого капитализма» – об этом непременно будут спорить будущие историки. Возможно, кто-то из них, обладающий тонким, изящным и в то же время мятежным умом, придет к некоему выводу, за который в им же исследуемое время его бы без всякой жалости поставили к стенке, как отъявленного контрреволюционера и «врага народа». Этот вывод будет заключаться в абсурдном, на первый взгляд, умозаключении: то, что мы считаем крушением коммунистической идеи, в действительности явило собой апофеоз «разви-

того социализма», то есть стало его вершиной. Убийственным аргументом этого открытия станет буквально следующее: так называемый «дикий капитализм» поддержало такое количество «проверенных и доверенных» строителей коммунизма, что назвать результат их конечной деятельности иначе, чем планировавшийся раньше ими же «развитой социализм», никак невозможно. Именно в это время народу открыли глаза на истинную форму социализма. Оказывается, многие годы параллельно с почти дизентерийными потугами на одной шестой земного шара в «оппортунистической» Скандинавии строилось нечто похожее. Оказывается, современный капитализм – это не что иное, как «социализм с человеческим лицом». Причем выяснилось, что лицо это многим давно знакомо по агитационным плакатам с изображениями больших и маленьких вождей коммунистической партии Советского Союза, по фотографиям «рыцарей революции» в кадровых аппаратах карательных органов и по тем же фотографиям в анфас и профиль в некоторых авторитетных тюремных делах.

Насколько это «лицо» имело сходство со скандинавской социальной формацией, задумываться было некогда, потому что зазевавшийся в этот период человек рисковал вылететь из грубо сколоченной государственной лодки, несущейся по бурной, полной опасных порогов, реке стяжательства и грабежа.

Бероевцы и их младшие коллеги из охранных структур, включая государственные, накрывали всю Систему надежной крышей и выгребали из-под нее случайно попавших туда людей и конкурентов из «теневого», классово близкого, ведомства – наглой уголовной братвы. Дошло до того, что назначение на высокие общественные должности «воров в законе» не могло пройти без утверждения в «минотавровском Центре». Принято было считать, что это своего рода социальная помощь, направленная на сохранение особой национальной культуры – советской, вполне организованной уголовщины. «Незащищенная» часть общества, то есть оступившиеся когда-то раз и навсегда соотечественники, даже назначались на почетные должности «смотрящих», «авторитетов» и, более того, возводились в ранг генеральных директоров денежных предприятий. Тех, кто не понял сути этой гуманной «социальной» политики, немедленно «изымали из оборота», как неспособных к исправлению «паршивых овец». Органы и специальные службы, широко представленные в СССР, а также разного рода общественные фонды (инвалидные, инвалидно-военные, церковные, «детские» и молодежные) делили между собой налоговые и таможенные льготы, намертво вцепившись друг другу в глотки.

«Минотавр», извиваясь всем своим гибким телом, пожирал всё, что попадало ему на зуб. Бероевцы выстроились «свиньей» и вели смертельную атаку на редуты конкурентов, защищая священные территории империи «Минотавра», а, значит, и свои собственные. Теперь это была их родина, их идеология, их судьба. По стране загремела пальба, как в американском «вестерне». Доставали везде – и дома, и в тюрьме, и даже за границей. Многие успокоились, остальных успокоили.

Предприятия «Минотавра» наливались силой и кровью в то время, когда многие презирали связь с комсомольскими и шпионскими ведомствами, откуда шла эта сила и кровь, но теперь в них скопилось столько силы и столько крови, что нет мощнее их, и ни у кого сейчас нет такого запаса здоровья и долголетия.

Копенкин учел ошибку Князя, неосмотрительно пожелавшего не только сохранять и распределять доверенный ему золотой мешок, но и владеть им, как единственный его хозяин. Князь был стерт из памяти народа, а на его место назначили другого человека, который отошел от дел уже через год, передав свое место кому-то следующему. Тот, который сейчас занят сохранением богатства, уж и не упомнит, откуда оно на самом деле взялось, и кто или что стояло у его истоков. Кадровый метод «казино» придуман не дураками: каждая «команда» работает лишь год и, взяв свое еще до подведения итогов, уходит в небытие. Она не знает, каков баланс ее годовой деятельности, а пришедшая ей на смену другая «команда» никогда не узнает своего баланса. Справедливо будет заметить: «Но ведь кто-то же должен это знать! Кто-то же

должен всё суммировать!» Так вот, должен! Но имя этого человека или, возможно даже, имена нескольких очень упрямых людей, работающих на «общее дело», и есть самая главная тайна нашей цивилизации. Князь ведь тоже был призван кем-то другим, и Бероев отчитывался перед кем-то, и Зеломудров зависел от кого-то, и Мотьке Лескову отпускал грехи кто-то, безликий и скромный! Но кто? Неужели, сам господь Бог? Тогда выходит, что и он не устоял перед земными благами? Это вряд ли! Наверное, это все же Тот, кого Господь низверг с небес. Не будем поминать его имя! И его число!

Копенкин не раз думал об этом и даже однажды на встрече «накоротке» с Лесковым и Зеломудровым (настоятельно рекомендованным Бероевым) заикнулся о том, что хорошо бы знать, кого благодарить за всё.

Зеломудров побледнел и отчаянно замахал руками:

– Никого не стоит беспокоить своими глупыми благодарностями! Если понадобится, с вас спросят. И еще как спросят!

Пришла очередь побледнеть Копенкину и, на всякий случай, Мотьке Лескову. Хорошо, хоть только этим всё и ограничилось!

Очередной визит Копенкина в Западную Европу был вызван расширением «минотавровского» влияния на какие-то энергетические сферы Старого света. Трансформирующийся в более или менее цивилизованные формы «Минотавр» требовал теперь к себе особого внимания. Нужны были консультанты, окончившие самые престижные высшие учебные заведения на Западе, носители языка межнационального общения, то есть английского, и желающие совместить свою кровеносную систему с кровеносной системой «Минотавра». Многомиллионные прибыли копенкинского и лесковского фланга грозили перейти в миллиардные значения, а, значит, им становилось очень тесно на одной шестой земной суши.

Валерий Романович Копенкин был пионером своего дела и нуждался в помощи и поддержке Зеломудрова. На этом настаивал и Бероев. Еще в Москве Копенкин слышал о том, что бероевская «боевая» подруга Давлетбаева назначена «смотрящей» к Зеломудрову, но лично с Давлетбаевой знаком не был. Направление же его самого к Зеломудрову за помощью теперь выглядело совершенно иначе: начинался новый этап распределения средств и прибылей, который должен был находиться под многоступенчатым контролем Бероева и тех, кто незримо стоял за его сутулой спиной. Однако то фиаско, которое Копенкин чуть было не потерпел в самолете, когда вылез со своей идиотской заботой об отце-алкоголике Раисы Ринатовны, едва не поставило всю операцию на грань провала с первых ее шагов. К мелочам, учили когда-то «майора», надо относиться с уважением, потому что они способны перечеркнуть главное.

Кроме того, Давлетбаева понравилась Копенкину – хорошо сложенная бабенка, голодная и злая. Ее отставка в качестве близкой подруги Бероева очевидна, а, значит, занять вакантное место можно и даже нужно. И ей хорошо, и Бероеву помощь, да и самому можно будет получить удовольствия.

Именно с этими мыслями Копенкин и позвонил в посольство Давлетбаевой на следующий день после своего приезда.

– У меня сегодня встреча с послом, Раиса Ринатовна, – мягко сказал он. – А после этого я бы хотел заглядить свою вину перед вами. Не будьте так жестоки, пощадите!

– Ну разве что пощадить, – засмеялась в трубку Раиса Ринатовна. – Хорошо! Пусть будет по-вашему.

После позднего ужина в Гранде поднялись в копенковский номер, где Раечка Давлетбаева начала «щадить» Валеру Копенкина почти сразу, с порога. Тут все было и «по-вашему» и «по-нашему», и еще по какому-то очень пикантному. Расставались трудно, жарко сцепившись руками.

Глава 14

Владимиру Викторовичу Ведомственному «на орехи», как выразался по такому поводу генерал армии Крюков, на этот раз не досталось. Возможно, потому что Крюков даже не помнил, какой из Ведомственных «сопровождает» председателя правительства, и если бы не коварный Багдасаров, то и не узнал бы. Словом, Ведомственному необыкновенно повезло.

– Подфартило! – сказал он жене, когда вернулся в Москву. – Иначе бы так дали по заднице, что летел бы кверху очком к ядерной мамке! К тебе то есть, мать!

– Ты и прилетел, охальник! – ответила Марина Ильинична, давно привыкшая к особому лексикону мужа.

– Так я прилетел, как водится, в силах, так сказать. А то бы, знаешь, как!

– Нечего водку с пивом пить со всякими! Я тебе сколько раз говорила! – начала заводиться Марина Ильинична. – И сыну с дочерью пример какой!

– А какой? – развел руками Ведомственный. – Хороший пример! Батя выпил, дело сделал, да еще и задницу свою сберег! Чем не пример?

– Это-то всё так, Вовчик! – Марина Ильинична прильнула к мужу (разговор происходил в постели, поздно ночью). – А все же надо быть осторожней! Враги кругом! Жуть!

– Верно, Маришка! – ласково обнял за полные плечи свою Маришку Вовчик. – Но дело сделано! Водку с пивом со мной пил большой человек, хоть в звании и ниже меня! А так мне до него, знаешь как высоко? О-го-го!

– Это как это? – приподняла голову Марина Ильинична и в темноте ее глаза засветились не то любовью, не то любопытством.

– А вот так! – задумчиво ответил Вовчик и запустил другую руку под одеяло. – Верные люди сказали: у этого Лешки Гулякина впереди большое и долгое будущее. Кто с ним, тот в дамках, а кто – против, того, считай, уж нет в природе. Так что, мать, риск был с моей стороны вполне оправдан. Судьба возблагодарит! К тому же, подумаешь, нажрались, дебош учинили! Да и не дебош вовсе, а так, погуляли маленько! И всё!

Кареглазая Марина Ильинична была пышнозадой дамочкой с маленькой, коротко стриженной головкой и полным, но довольно компактным телом, словно надутая подушечка или хорошо упитанная молодая свинка. Она будила у мужчин, прямо скажем, нехорошие мысли – была столь аппетитна в прямом смысле этого слова, что ее хотелось зажарить и съесть с хреном. Хорошо еще, что у своего мужа она все-таки возбуждала иные, не только гастрономические, ощущения (о вкусах, как говорится, не поспоришь), и поэтому у них было двое детей.

Последним аргументом в правоте своего поведения в маленькой, но очень важной европейской стране стал для полковника Ведомственного акт бурной любви с женой, в котором он, как обычно, преуспел.

Несколько иначе обстояло дело на службе. Полковнику стало известно недовольство председателя правительства его поведением и даже то, что председатель обращался к руководству организации полковника Ведомственного с просьбой заменить его на кого-нибудь «скромнее и менее пьющего». Полковник, услышав об этом, сначала покраснел как вареный рак, а потом взмахнул руками и крикнул запальчиво:

– Кто бы говорил! Алкоголик хренов! Водку с пивом хлещет, гад, как воду! Замотались мои парни в магазин бегать для него!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.